

Наталья Андреева

детектив ? загадка

Правая рука смерти

Наталья Андреева

Правая рука смерти

«Автор»

2012

Андреева Н. В.

Правая рука смерти / Н. В. Андреева — «Автор», 2012

ISBN 978-5-699-59890-8

Пятеро человек попали в ловушку... Их ждет изощренная кара за грехи прошлого. В этот загородный дом их заманили по-разному. Бизнесмена Брагина пригласили поговорить о его долге хозяину дома. Блогера Самсонова соблазнила любовница посещением закрытого клуба, где отрываються пресыщенные богачи. Трех женщинам предложили работу, посулив за нее огромные деньги. Татьяне – место домработницы, Тамаре – семейного врача, а Софье – ассистентки профессора Ройзена в его новом эксперименте. Ими умело манипулируют, зная слабости каждого, их медленно сводят с ума. Брагина запугивают пытками, у Самсонова отняли возможность общения в Инете с его фанатами, терапевта Тамару шантажируют смертью ее пациентов, красавицу Софью пугают подступившей старостью, Татьяну вынуждают работать сверх меры... Все они обречены на сумасшедший дом или на смерть! Так кто он, доктор Ройзен, и за что мстит этим людям?..

ISBN 978-5-699-59890-8

© Андреева Н. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Палата № 1	5
Палата № 2	11
Палата № 3	16
Палата № 4	19
Палата № 5	24
Палата № 1: размещение	30
Палата № 2: заселение	33
Палата № 3: размещение	36
Палата № 4: размещение	40
Палата № 5: заселение	42
Консультация № 1	45
Консультация № 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталья Андреева

Правая рука смерти

Pade Poena claudo (лат.)

(Гораций. Оды, III, 2)

Хромоногая, то есть медлительная кара.

Палата № 1

Телефон звонил не переставая. Звук был нудный, вибрирующий, словно в окно бился огромный шмель, отчего дрожало стекло, трясся подоконник, ходуном ходили занавески. Либо его надо выпустить, либо прихлопнуть, этого назойливого мутанта – шмеля. Но жужжащий звук на одной ноте раздражал Брагина меньше всего, он устал от всяких там «Мурок» или «Танцев маленьких лебедей», этих наиболее часто выбираемых всякими дебилами рингтонов. Вообще от людей. Номер, высветившийся на дисплее, не определялся, но Анатолий подумал, что его может добиваться так настойчиво потенциальный клиент, и на звонок все же ответил. В трубке раздался приятный женский голосок:

– Здравствуйте, Анатолий Борисович! Ох и не просто же до вас дозвониться! Из банка беспокоят.

– Из какого еще банка? – спросил он, разочарованно зевая.

– Из банка, которому вы денег должны.

– Слушайте, вы меня достали! – заорал он, раздражаясь. – Звоните и звоните! Домой звоните, на работу звоните, бывшей жене, дочери, соседям и тем звоните! И днем и ночью! Телефоны меняете, чтобы я трубку брал! Достали, суки!

– Это вы нас достали! – повысила голос и девушка. – Вы нам деньги должны, и немалые, учитывая набежавшие проценты! А платить не хотите!

– Я вам сто раз говорил: нет у меня денег! Заказчик меня кинул! Моя фирма работу сделала, а ей не заплатили! Заказчик обанкротился! И как я, по-вашему, могу вернуть кредит, да еще с вашими грабительскими процентами?!

– А мы вам в сотый раз отвечаем: это ваши проблемы! Судитесь с заказчиком, получайте деньги по исполнительному листу и переводите их нам! Мы подождем.

– Да как я буду с ним судиться, если он в Прибалтике?!!

– А о чем вы думали, господин Брагин, когда заключали контракт?

– О том, что либо я сдохну, либо вы разоритесь, суки!

– Как видите, мы не разорились. Терпеливо ждем, когда вы образумитесь. Я вас в последний раз спрашиваю: платить будете?

– Нет. А станете доставать – обанкрочу свою фирму. Или закрою ее здесь, в Москве, а перерегистрирую, блин, в Чечне. Или в Хабаровске. Но денег вы от меня хрен получите. Нет их у меня, понятно? Концы с концами едва свожу.

– Как вам не стыдно, Анатолий Борисович! Мы ведь прекрасно знаем, что вы живете в центре Москвы в огромной четырехкомнатной квартире, которая стоит не один миллион долларов! Если хотите, мы вам предоставим оценщика и покупателя сами найдем. Поменяйте вашу квартиру на меньшую, где-нибудь на окраине, и без проблем рассчитаетесь с долгами. Еще и на жизнь останется.

– Иди ты на х...

Анатолий Брагин со злостью отшвырнул мобильный телефон. Ишь, чего захотели! Чтобы он отдал за долги свою квартиру?! Да он ее годами собирал, как мозаичное панно, по кусочкам!

Сколько сил на это потрачено, сколько нервов! А денег?! Одна перепланировка чего стоила! Чтобы теперь на нее все облизывались: не квартира ведь, а конфетка!

Сначала это была коммуналка. Хоть и в центре Москвы, но все равно: коммуналка. Со всеми вытекающими. Четыре комнаты, стены толстенные, словно в каком-нибудь средневековом замке, потолки высоченные, коридор длиннющий и узкий, как кишка. Крохотная кухня, где ютились шаткий стол с тремя колченогими табуретками, плита с тремя работающими конфорками и холодильник с тремя полками, каждая подписана, а каждый сверток на ней промаркирован. Кое-кто колбасу линейкой замерял: сколько осталось съедобных сантиметров. Потому что желающие пожить за чужой счет имелись в избытке. Это потом каждая семья обзавелась собственным холодильником и запирала его в своей комнате вместе с едой, когда все обитатели коммуналки стали жить в относительном достатке. Но плита по-прежнему была общей, и конфорок на ней только три. Как хочешь, так и крутись!

Один сортир на всех, одна ванная комната, в которой вечно кисло белье, постоянные споры о том, кто нажег больше электричества. В одной из комнат, самой большой, жила многодетная семья, и их сопливые отпрыски приходили с прогулки грязные, как свиньи. Они все были свиньи, и фамилия у них соответствующая: Кабановы. Трое младших Кабановых вечно были голодными, они залезали грязными пальцами в чужие кастрюли, пытаясь подцепить кусок мяса или хотя бы картофелину, без зазрения совести отрезали от чужого батона колбасы, таскали чужое печенье и чужие конфеты. Повсюду оставались их грязные отпечатки и следы крепких, безжалостных зубов, которые способны были крошить и камень, если бы камень этот оказался съедобным и мог насытить их бездонные желудки.

Бабушка Анатолия, потомственная дворянка, чье воспитание не позволяло устраивать сцены, терпела молча. Когда-то ее семье принадлежал огромный дом в Москве, летняя резиденция в пригороде и роскошное поместье в Малороссии. После революции у юной графини осталась только девятиметровая комнатка в коммуналке и скромное жалованье машинистки. Родителей расстреляли, она чудом осталась жива, и то лишь потому, что приглянулась усатому комиссару. Жили так, то есть, согласно моде революционного времени, без венчания. Дети тоже рождались так, хотя фамилию носили комиссарскую: Брагины. Сожителя в тридцать седьмом расстреляли, имущество конфисковали, и от большой комиссарской любви бабушке осталась все та же девятиметровая комнатка в коммуналке со скандальными соседями презираемого ею пролетарского происхождения.

Слава богу, дети были пристроены, спрятались в глубинке, дочь почти девочкой выскочила замуж в Поволжье за мужчину в два раза ее старше и неплохо устроилась в небольшом, но уютном и спокойном провинциальном городке, а двенадцатилетний сын временно поселился у тетки в глухой деревне. Сестра комиссара была женщиной бездетной и Бореньку взяла на воспитание охотно. Ждали, когда все утрясется и сыну врага народа можно будет вернуться к матери в столицу. Когда парню пришло время получать образование, грянула война, университеты пришлось пройти в окопах, и с фронта Борис Брагин вернулся не к матери, которую знал мало, а к тетке. Мать не жаловалась, терпела. Могло быть хуже, у большинства ее подруг, бывших румяных гимназисток, сложилось все не так удачно, как у нее. Сколько их потеряло здоровье в лагерях? А сколько вообще не вернулось? Бабушка же Анатолия Брагина дожила до восьмидесяти шести лет и до последнего сохраняла ясный ум и великолепную память. Рассказывала ему о дореволюционной Москве, о первом в жизни бале, который, увы, оказался и последним. И женихи, brave офицеры и отпрыски древних дворянских родов, галантно целовавшие ручку, тоже остались там, в дореволюционном прошлом.

Нет на свете справедливости, о чем на тесной коммунальной кухне постоянно судачили. Это Анатолий Брагин помнил до сих пор. Он поселился у бабушки в семнадцать, когда приехал поступать в институт, и, легко пройдя по конкурсу, остался в Москве. Стал полноправным членом коммунального сообщества и окунулся в жизнь, полную интриг и сплетен. Слишком

уж разные здесь жили люди. Сошлись они в одном: нет на свете справедливости. Хотя понимали они это по-разному. Бабушка считала несправедливой конфискацию московского дома, загородной резиденции и малороссийского поместья. И что теперь она имеет вместо всего этого великолепия – лишь девять квадратных метров жилой площади, а Кабановы, отродясь не едавшие ничего слаще морковки, жаловались на то, что им впятером приходится ютиться в одной комнате, в то время как Инессе Валерьяновне с дочерью и внуком принадлежат целых две! На троих две комнаты! Вы только подумайте, какая немыслимая роскошь! Смешно, но на этой почве бывшая графиня, ныне зарабатывающая на жизнь частными уроками французского, и ткачиха Кабанова, еле-еле осилившая восемь классов средней школы, сошлись! Да еще как сошлись! Они составили партию несправедливо обиженных злодейкой-судьбой и против Инессы Валерьяновны устроили целый заговор! И своего добились! После расправы с «врагами» две их комнаты честно были поделены между победителями, правда, многодетным Кабановым досталась большая.

Все это случилось лет тридцать тому назад, коммунальные войны, невольным участником которых стал Анатолий Брагин. Он получал тогда в техническом вузе высшее образование, которое ему впоследствии почти не пригодилось. Зато бабушке, как инвалиду, нуждающемуся в постоянном уходе, удалось прописать внука к себе. И он, уроженец российской глубинки, стал-таки полноправным москвичом. Бабушка прекрасно умела разыгрывать немощную старуху, хотя на самом деле если у нее и были проблемы со здоровьем, то это выражалось не зубцами кардиограммы, а заиклостью на квадратных метрах.

– Все это должно быть твоим, – шептала она внуку, когда соседи не слышали. – Сначала мы выживем отсюда Инессу Валерьяновну, а потом придет черед и этих плебеев. Мы себе все вернем, Толенька. Восстановим справедливость. Из грязи обратно в князи, а пролетарские князья пусть возвращаются туда, где им самое место. – И рафинированная бабушка произносила плохое слово, обозначающее биологический наполнитель отхожего места. – Это все твое по праву рождения, и ты должен жизнь положить на восстановление справедливости, – внушала она внуку.

Тогда Анатолий Брагин еще не представлял, как он это сделает. Но бабушка добилась своего: он тоже заиклился на квартире. Ни одна из его жен так и не была здесь прописана. Ни одной при разводе не досталось ни метра. А благодаря единственной дочери и ее недавно родившемуся сыну, которого Брагин тут же прописал, отобрать у него единственное жилье по суду не могли, хотя дочь давно уже жила отдельно и с отцом старалась не общаться. С ее матерью Анатолий лет десять был в разводе, но дочка пошла в него, расчетливая. Прописалась на всякий случай вместе с малолетним ребенком у отца, чтобы многомиллионную собственность из рук не упустить. Все оформили грамотно, не подкопаешься. У Брагина был хороший юрист, он же лучший друг, Вадим Копылов. Мысленно Анатолий уже не раз сказал ему спасибо. Ах, сколько подводных камней пришлось обойти! Сколько взяток рассовать нужным людям! Зато теперь – накось выкуси!

Когда банк начал давить, Брагин вспомнил все перипетии многотомной квартирной истории и пришел в бешенство. Одни Кабановы чего стоили! Что вы прикажете делать с многодетной семьей? Они хоть и были Кабановы, но плодились как кролики. Он даже пошел на крайность, хоть и скрепя сердце: купил им аж две отдельные квартиры, чтобы заполучить две их комнаты в коммуналке! Но отселил-таки это скандальное семейство плебеев. Это был великий праздник. Главный в его жизни, когда он ОДИН пил шампанское в тесной кухне, строя грандиозные планы превращения коммунального сарая во дворец. Дела тогда шли отлично, денег было полно. Жаль, бабушка не дожила. Но Анатолия все равно переполняло чувство гордости: он это сделал!

И вот теперь его заставляют обменять мечту всей жизни на халупу, расположенную за МКАД, у черта на куличках, пусть даже на две халупы, если совсем в жопенях, и в придачу к ним на деньги, которые он должен будет, ха-ха, отдать какому-то банку!

Да накое выкуси!

– Господин Брагин? – прозвучал в трубке женский голос.

– Киса, это ты? Ха-ха! Смешно! Как ты меня: господи-ин... Не узнал, богатой будешь.

– Это не Киса, – (ехидно). – Вам из банка звонят, Анатолий Борисович.

– А почему с этого телефона? Ведь номер же...

– Правильно: одной из ваших подружек. Которая любезно согласилась нам помочь и предоставила на пять минут свой мобильный телефон. Вы же теперь не отвечаете на звонки, если номер вам не знаком. Что нам остается делать? Звонить через ваших знакомых, чьи телефонные номера вам известны.

– Вот стерва Анька!

– Дайте-ка мне трубку! – произнес другой женский голос. – Сам козел! Слышишь, Брагин?! Ты когда мне последний раз звонил?! А что обещал?! Помнишь?! А у тебя, оказывается, долги-и!

– Да у кого их нет!

– Ты мне шубу норковую обещал!!!

– Получишь ты свою шубу!

– Ага! Я теперь знаю, что ты мне врал! Козел ты, слышишь?!

– Девушка, дайте мне трубку, – (снова сотрудница банка). – Господин Брагин, я с огромной радостью сообщаю вам, что ваши угрозы обанкротить фирму возымели действие. Мы с вами сегодня общаемся в последний раз. Банк счел вас абсолютно безнадёжным клиентом и продал ваш долг коллекторскому агентству. Теперь вы будете общаться с РАККом.

– С каким еще раком?

– Российская ассоциация коллекторского консалтинга. Или как-то так. Так что не удивляйтесь ничему. Скажу честно, мы продали ваш долг аж с девяностопроцентной уценкой, но мы на это пошли, чтобы вас проучить. Вы самый недобросовестный и наглый клиент из всех, кого мы знаем.

– Да пошли вы! Испугался я какого-то рака!

– Раз вы такой храбрый, желаю вам удачи, – (с иронией). – Но обещаю, господин Брагин, что вы нас еще вспомните. И пожалеете о том, что не пошли нам навстречу.

– Сука!

– Брагин, ты козел!!!

– И ты, Анька, сука! Чтоб вы обе сдохли!

Анатолий Брагин по привычке хотел отшвырнуть телефон, по которому получал теперь лишь дурные вести, но передумал. Пальцы торопливо заскользили по дисплею. «Финдеп». Он звонил Вадиму Копылову.

– Вадик, здорово! Проясни мне один момент.

– Внимательно слушаю тебя, о, шеф!

– Шутки в сторону. Мне из банка звонили.

– Опять?

– Не опять, а снова. Они сказали, что продали долг какому-то РАККу. Две «К».

– Да понял я. Плохи дела, старик.

– Ты меня не пугай.

– А я не пугаю. Ты слышал когда-нибудь про Серафима Кузьмича?

– Нет, а кто это?

– Пора бы тебе знать. Это главный коллектор в нашей стране, можно сказать, гуру всех вышибателей долгов. Величают его Серафим Кузьмич Быль.

– Кто? Пыль?

– Быль. А ты не смейся, Толя. Коллекторский бизнес в нашей стране относительно молодой, ему лет шесть, максимум семь, а Серафим этим делом занимается вот уже лет пятнадцать. Начал в девяносто восьмом, когда из тюрьмы вернулся, где отсидел семь лет за бандитизм. Сечешь? Как думаешь, кем он был раньше?

– Вышибалой, что ли?

– Именно. Сейчас-то у него все по-белому. Банк уступил ему свои права требования по договору цессии...

– Слушай, Вадик, не грузи меня юридическими терминами!

– Хорошо, не буду. Вкратце: есть черные коллекторы, есть серые, а есть белые. Так вот начинал Серафим как бандит, и хотя теперь он белый и пушистый, в основном на психику давит, но старые методы, я думаю, не забыл. И ребята у него работают серьезные, есть и бывшие «силовики», и, само собой, братки. А теперь еще и грамотные юристы, которым я в подметки не гожусь. Он очень богатый человек, Толя. Просто неприлично богатый. Потому что дело свое добре знает. Так что голосок soft-коллектора, девушки из банка, тебе может впоследствии райской музыкой показаться. Люди Серафима Кузьмича обзвоном клиентов не занимаются. Раз он купил твой долг, то намерен на этом разжиться. За сколько, говоришь, он его приобрел?

– С девяностопроцентной уценкой, – мрачно сказал Брагин.

– Круто. Что ж, это его бизнес, купить за копейку многомиллионный долг и все вернуть сполна. Он это умеет.

– Паяльник, что ли, в задницу вставит? Так ведь сейчас не девяностые.

– Он, между прочим, бывший детдомовец. В пятнадцать на завод пошел, одновременно в школу рабочей молодежи. Даже в вузе отучился, честно хотел жить. А когда страна начала разваливаться, вместе со своими приятелями, бывшими детдомовцами, банду сколотил. Кузьмич такую школу жизни прошел, что нам с тобой, Толя, и не снилось. Он свою пайку научился зубами выгрызать, когда мы еще только письмо Онегина к Татьяне наизусть учили и думали, что все у нас будет в шоколаде. Зверь, не человек. Так что советую договориться.

– Я квартиру не отдам. Ты знаешь, как она мне досталась.

– Что делать, Толя? Жизнь дороже.

– Хватит меня пугать!

– А я не пугаю. Ты спросил – я ответил.

– Вместе, между прочим, вляпались.

– Так я готов, так сказать, искупить. Войти в долю.

– Скажи мне честно: что будет?

– Как действует Кузьмич? Этого я не знаю. Сейчас не знаю. Говорят, фантазия у него богатая. И вообще он с заскоками. Своеобразный дядька.

– Ладно, справимся.

– Желаю удачи.

– Если что – я позвоню.

Брагин дал отбой и вытер пот со лба. Напугал, черт! И сильно напугал! Поэтому когда позвонили из РАККа, Анатолий Брагин был белый и пушистый, не то что с девушкой из банка. Хотя звонила тоже женщина, мило интересовалась, не угодно ли господину Брагину договориться с господином Былем по-хорошему?

– Угодно, – хрипло сказал он.

– Вот и отлично! Серафим Кузьмич приглашает вас в гости.

– В гости? Зачем в гости? Я один не поеду.

– Не бойтесь, вашей жизни ничто не угрожает. Серафим Кузьмич дает вам слово, что к вам не будут применять силу.

«Сука», – подумал Брагин, но вслух сказать не решился. Это уже были не шутки, баба говорила от имени страшного Серафима Кузьмича. Как там Вадик говорил? Зверь, не человек.

– Слово, значит, дает?

– Именно так. Записывайте адрес. Господин Быль живет за городом...

Палата № 2

– Лена, Паша, Настя! Господи, не орите! Коля! Где ты, Коля? Да угомони ты их! Маша! Кто-нибудь! Петя, где ты там?! Господи! Петя!

Она без сил рухнула на табуретку и чуть не загремела на пол. Одна из ножек подогнулась, давно уже пора было ее починить. Два мужика в доме, а мебель на глазах разваливается! А считая одиннадцатилетнего внука, три здоровых лба! Тоже мог бы молоток в руки взять, не все же в телевизор пялиться! Как же! Все заняты! А у нее больше нет сил. На плите стоит огромная кастрюля, в ней варится борщ. Надо бы помешать, потом положить капусту. Морковку нашинковать, обжарить. Лук. Картошки начистить. И на второе тоже. В раковине гора немытой посуды.

Хрясть! Ножка все-таки сломалась!

– А-а-а!!!

– Ну, че тебе? – сунул голову в кухню муж.

– Что ж они так орут-то?

– К Пашке пацаны в гости пришли.

– Почему к нам-то, Петя? У нас и так повернуться негде!

– А куда?

Смотрит на нее как баран на новые ворота. Такая уж у них, у Кабановых, судьба. Сколько она себя помнит, теснота, толчея. Когда рожала троих, не думала. У них, у деревенских, так принято: детей должно быть много. Она впитала это с молоком матери, а ее дети, видимо, с ее молоком. Иначе как объяснить, что у старшего сына трое и у среднего тоже трое? У дочери, у младшенькой, Ирочки, пока двое, так ведь ей еще только тридцать четыре! Родила год назад материнский капитал, ну и куда с ним? Ребенок орет, есть просит, капиталом его не накормишь, а пенсия, она когда еще будет, чтобы прибавку к ней дали? И метры квадратные в Москве на этот капитал не купишь. Сколько уже Кабановы в очереди на расширение стоят? Денег нет, связей нет, вот и позабыли про них. Ирка умная-умная, а дура. С мужем развелась, а как снова выскочит замуж – первым делом ребенка родит. Что ж будет-то? А?

– Когда жрать-то дашь, Таня?

– погоди... Вот отдышись. Табуретка вон. – Она показала мужу отломанную ножку. – Починить бы, Петя?

– Ладно... Кино только досмотрю.

Муж тут же исчез. Сына кликнуть? Тоже не допросишься. Их можно понять: сегодня выходной. Суббота. А пашут они так, как привыкли пахать с молодых ногтей. Не в офисе сидят, чистенькие, надушенные-напомаженные. Муж работает водителем автобуса, а это в Москве тот еще экстрим! То бабка какая-нибудь завизжит, что ее дверью прищемило, то пьяный мужик под колеса кинется. А пробки? Господи! Вот напасть-то! Петя, как придет домой, матерится и матерится... Пока рюмку водки не выпьет, все матерится. А нахальные водители крутых джипов, которым законы не писаны? Шпарят по выделенке, наплевав на знаки. Безумный город! Все спешат, все заняты. И зачем только она сюда перебралась из деревни? Училище окончила, на ткачиху выучилась. А проработала последние десять лет на проходной, охранницей. Сумки чужие шупала, под одежду залезала, тоже шупала. Велено было охранять государственное добро от несунув. Но, слава богу, все кончилось. И государство, какое было, и несунув. И работа тоже кончилась.

Зарплата у Пети хорошая. Вот уже много лет, как она, Татьяна, просто домохозяйка. Правда, до пенсии мужу немного осталось. Он и так уже лишку работает. Официально-то пенсионный возраст вышел. Хорошо, молодежь нынче стремится в офисы, а не за баранку рейсового автобуса, и Петю пока не попросили. Заменить-то некем. Но зрение мужа подводит, спина

болит, сил нет. Сколько уж раз говорил: не могу больше, Таня. Уйдет ведь. Еще год-другой, и уйдет. И что тогда будет? Лучше об этом не думать.

Работают в семье двое: муж и сын. Сноха дома сидит, в отпуске по уходу за ребенком. Насте, младшей внучке, два годика только. Это здесь она младшая. В этой квартире. Потому что в той, другой, годовалый Владик надрывается...

– Мать, мы жрать сегодня будем?

Коля, сын. С ним она ласково:

– Погоди, Коленька, сейчас борщ доварится. Немного осталось. Что ж Маша мне не поможет?

– Настя капризничает. А чего ты тут зависла-то?

– Табуретка вот. – Она показывает сыну отломанную ножку.

– И че? Принеси стул.

К вечеру у нее совсем нет сил. Борща им еще на день хватит. Макароны Машка сварит, не переломится. Вот угораздило же Колю жениться на провинциалке! Не мог москвичку найти! Решили бы квартирную проблему. Коля тоже хорошо зарабатывает. Но взять эту... как ее? Ипотеку? Имея троих детей, неработающую жену и мать-пенсионерку? Стаж не выработала, потому пенсия мизерная. Нет, ипотеку им не потянуть.

Сил нет. А завтра воскресенье. Еще один выходной, а это значит, все дома...

Поэтому, пока малышка спала, она тайком улизнала к старшему сыну и дочери. Макароны пусть Машка им сегодня варит.

– ...Оля, Вася, Никита! Владик! Ира, что ж они так орут-то? Где Илья?

– Мама, не кричи. Дети играют. Помогла бы лучше на кухне.

– Так вас две бабы в доме окромя меня!

– У нас дети. Надо уроки проверить, завтра в школу. Ты хочешь, чтобы внуки были неучами? ПТУ закончили, как и ты?

– Так сейчас вроде нет уже ПТУ.

– Ну колледж, – в голосе дочери звучит презрение. Она одна в семье образованная. Да толку? С мужем все одно разошлась. Воспитывай теперь свой материнский капитал!

В двушке повернуться негде. Здесь живут сын с семьей и разведенная дочь. Пятеро детей, трое взрослых. Теснота, толчея. Не мог москвичку найти. Это она о старшем.

«Осподи, что это я? Совсем ум за разум зашел! Света же москвичка!» Жена старшего сына тоже из многодетной семьи. У Кабановых трое, а у Агапкиных пятеро. Там с квадратными метрами еще туже. Вот же, нашел сынок счастье! Ну, не везет в жизни!

– Мама, помоги на стол накрыть.

– Сейчас, Ирочка, сейчас.

Вот тебе и отдохнула!

Вечером она на ватных ногах возвращается домой. Заметив в вагоне метро свободное местечко, рысью мчится туда, поймав на себе презрительный взгляд хорошенькой девушки в дорогом норковом полушубке. Тебе бы так, милая. Гора грязного белья, раковина, забитая грязной посудой, огромные кипящие кастрюли, затоптанные полы... И так с утра до вечера, с утра до вечера. Без выходных. Да что там! В выходные еще хуже! Потому что все дома. И готовить приходится и на мужиков. Счастье, когда у них графики не совпадают.

Вот до чего дожила! Мечтает о том, чтобы у мужа и сына не совпадали рабочие графики! Чтобы в доме было хотя бы на одного человека меньше, а за столом на одного едока!

В вагоне тепло, гудящие ноги получили долгожданный отдых, и глаза сами собой закрываются. Как хорошо! Двадцать минут отдыха! Жаль, что дети так близко друг от друга живут! Всего двадцать минут... А хотелось бы час...

Сама виновата. Когда искали две двушки, хотелось, чтобы поближе. Вот тебе и поближе.

Во сне к Татьяне Кабановой пришли другие мечты. Она сидела на крылечке в родительской избе и ела пирог со щавелем. Ох, и вкусные же мамка пекла пироги! Каждый с батину ладонь, огромный, начинка – со своего огорода. Зеленуха. Вроде пустые, а все одно вкусные. А главное, можно ничего не делать.

Ни-че-го не де-лать...

– Следующая станция «Сходненская»...

Матушки, проехала!

– Куда ж это я?! Господи!

И опять рысью к дверям. Народ с презрением смотрит на бабку в болоньевом пальто и уродливой мохеровой шапке, похожей на ком грязного снега, потому что шерсть давно свалялась, а цвет от бесчисленных стирок потускнел. А ведь в те же шестьдесят годков эстрадные звезды за молоденьких мальчиков замуж выходят! Платья короткие надевают! Туфельки на шпильках!

Всунет она свои разбитые ноги в туфли-лодочки, как же!

Что ж так не везет-то, а? Ну хоть бы капелюшечку счастья. Удачи, везения. Хоть чего-нибудь, чего в жизни еще не было. А ничего и не было. Дом, дети, муж. Грязная посуда и грязное белье. Грязные полы...

– Татьяна Семеновна?

– Да. А кто это? – спросила она с опаской. Позвонили ей на мобильник. Голос незнакомый, поэтому сердце екнуло. Муж с сыном на работе, а кроме родных на ее мобильный телефон никто не звонит. Ну, снохи.

«Мать, грей щи, домой еду!» Или «Мама, ты не забыла туалетную бумагу купить?»

А тут: Татьяна Семеновна.

– Вы оставляли в агентстве заявку.

– В каком агентстве?

– В агентстве по трудоустройству, – терпеливо пояснила звонившая женщина.

– А ведь и впрямь было такое!

Ей всегда хотелось иметь свою копеечку. Чтобы не клянчить у мужа на дешевую пудру и польскую губную помаду, другой косметикой она никогда не пользовалась. И то Петя жметесь: зачем тебе это? Да хоть вспомнить иногда, что женщина. Поэтому по совету соседки Татьяна пошла в агентство, благо это рядом с домом. Подруг у нее никогда не было, не до того, так, приятельницы. Варваре она всегда завидовала: на голове химия, на ногтях яркий лак, да еще и отдыхать каждый год ездит! Ты подумай! В Анапе она была! В Кисловодске! Откуда деньги? Соседка не жалась, сказала. Совет дала: иди и ты, Татьяна, в агентство, хоть человеком себя почувствуешь. Копеечку будешь иметь свою. За уборку в богатом доме две с половиной тысячи платят. В следующем году вместе в Кисловодск поедет. И делать-то особо ничего не надо. Богатым людям всегда требуется помощница по хозяйству. Пыль смахнуть, белье там погладить, костюм в химчистку отнести. А ты, Татьяна, аккуратная. Всю жизнь на домашнем хозяйстве.

И то верно! Два дома только на ней и держатся, на ее аккуратности и чистоплотности. На ответственности. Все то же самое, но за деньги? Запросто! На полтора часа в день из дома улизнуть? Да осчастливьте меня!

– Мы подобрали вам работу, Татьяна Семеновна. Правда, не совсем то, что вы хотели. С проживанием.

– Я что-то не поняла.

– Помощница по хозяйству с проживанием. На месяц.

– Нет, я так не могу. Куда ж я своих-то деню?

– Пятьдесят тысяч рублей.

– Как-как? – она растерялась.

– Вы получите за месяц пятьдесят тысяч рублей. Плюс жилье и питание. Получается чистыми пятьдесят тысяч, – надавила звонившая женщина. Словно заклинание произнесла.

Татьяна какое-то время молчала. В голове не укладывалось. Пятьдесят тысяч рублей! И на месяц уехать! Неужели боженька услышал-таки ее молитвы?

Мелькнула мысль: как я своим-то скажу? Потом вспомнила, что холодильник хотели брать в кредит. Двухкамерный. И телевизор. А не надо в кредит. Она, добытчица, принесет денег. Да еще и на новое зимнее пальто останется. Сколько можно в старом-то ходить? Народ уже косится, за бомжиху ее принимает. Вот давеча в метро женщина отодвинулась, посмотрела брезгливо.

– Татьяна Семеновна, вы согласны?

– Как-то неожиданно.

– Это всего на месяц. За вами пришлют машину.

– Как-как?

– Если вы согласны, за вами завтра пришлю машину.

– Прямо завтра? – она совсем растерялась.

– Так вы согласны?

От неожиданности она ляпнула:

– Да.

И только потом вспомнила, что не назвала девушке адрес.

Родные сочли, что все это глупая шутка.

– Разыграли тебя, мать, – хохотал вечером сын и подмигивал отцу. – Слышь, батя? Полтинник с проживанием!

– И питанием, – хихикала сноха.

– Это где ж такое бывает? – переглядывались они и смеялись. – В кино?

И так весь вечер.

Когда раздался звонок в дверь, все растерялись.

– Это кто? – спросил сын.

– За матерью, видать, – усмехнулся муж и пошел открывать дверь.

На пороге стоял молодой парень в модной кожаной куртке, он вежливо сказал:

– Я за Татьяной Семеновной. Готов отвезти ее на работу.

– На какую работу?

– Я из агентства. С Татьяной Семеновной вчера обо всем договорились.

Она, обомлевшая, вышла в прихожую.

– Господи! А я ж не готова!

– Ничего, я подожду, – вежливо сказал парень и улыбнулся: – Можно водички?

– Конечно, конечно, – засуетилась сноха. Парень был очень уж симпатичный. И куртка на нем хорошая, дорогая.

– Видать, не шутка, – зачесал затылок озадаченный Петя.

– Полтинник за месяц? На всем готовом? – задумался сын. – Мать, так ведь мы и холодильник с телевизором купим! И кредит не надо брать!

Она уже не слушала. Металась по квартире, собирая вещи. В голове билась одна лишь мысль: с проживанием.

– Не беспокойтесь, все необходимое у вас будет, – белозубо улыбнулся парень. – Одежду тоже выдадут.

– Эх, мать, повезло тебе! – хмыкнул Петя.

– Приедешь на место – отзвонись, – сказала сноха, когда Татьяна уже была в дверях. Она молча кивнула и пошла за парнем, взявшим у нее объемную сумку. Все-таки напихала вещей. Запасливая.

И только когда лифт поехал вниз, стоящие на лестничной клетке отец с сыном переглянулись и забеспокоились:

– А вдруг маньяк?

– Да кому она нужна? – высунулась из двери Маша. – На органы уже не годится, в любовницы тоже.

– И впрямь, – хмыкнул Коля. – Не молодка.

– Ну, пошли, что ли, обмоем это дело? – предложил отец.

И дверь в квартиру Кабановых закрылась. А Татьяна Семеновна в это время, обмирая от страха и от предвкушения чего-то необычного, отъехала от подъезда на большой черной машине, названия которой не знала. Но судя по тому, как смотрел на нее сосед, выгуливавший собаку, поняла, что машина дорогая.

«А вот вам! Чтоб знали!»

Палата № 3

– Доброе утро, дорого-ой...
– А? Что? – Влад глянул за окно: и впрямь утро! Первый час, работяги уже в предвкушении обеда, офисные два раза чай пили и три раза курили.

– Еще спишь?
– Нет, что ты! Давно проснулся!
– И что делаешь?
– Работаю, зайка, работаю.

И зайка зашебетала:

– Совсем себя не бережешь. Я зашла на твою страничку: ты был там сегодня в два ночи!
– Зайка, ты же знаешь, это смысл моей жизни, – снисходительно сказал он.

Каждый должен заниматься своим делом. Работяги класть асфальт, офисные класть на начальство и тайком играть в преферанс в Сети или в стрелялки, торчать в Одноклассниках, а он, Владислав Самсонов, мозг хомячкового планктона, профессиональный журналист, колумнист, мегапопулярный блогер, он должен за них мыслить. Кидать им, как кость, идеи в социальную сеть и обсасывать их, пока последние соки не иссякнут. И тогда он кинет в Сеть другую кость. А они будут бесноваться, орать, требовать, лайкать, постить, как из пулемета, и жизнь интернет-сообщества благодаря этому не замрет ни на секунду.

Хвала тому, кто изобрел Интернет! Кто придумал вай-фай и блютуз! Родил первую социальную сеть и сообразил, как заработать огромные деньги на дружбе! Хвала постмодернизму и двойная хвала перепостмодернизму! Хотя он бы назвал грядущую эпоху техномодернизмом. Бесконечная модернизация технологий, высвобождающая уйму времени, которое все большее количество людей предпочитает тратить в Инете. Все погибает, а он бурно развивается. Слава богу, он, Влад, вовремя сообразил, что все деньги скоро будут там, забил на традиционную журналистику, на глянец и полуглянец, желтуху и чернуху, на беготню по редакциям, бесконечное ожидание, томление, отчаяние, пока очередной материал не протухнет, и заделался колумнистом. Блогером. Теперь каждое его слово тут же становится общедоступным. Теперь он Великий и Ужасный Самсон. Непререкаемый авторитет с огромным количеством френдов, которые бурно обсуждают каждую его статью на популярном сайте, принадлежащем богатейшему медиахолдингу. Ему, кстати, неплохо за это платят. За работу Самсона и его бесчисленных френдов.

И очередная зайка боготворит его и бесконечно уважает.

– Я хотела бы, чтобы ты немного отвлекся, дорогой. Отдохнул. Я нашла чудесное местечко...

– Ты же знаешь, мне трудно угодить, – капризничает он.

– Да, знаю. А как насчет экстрима?

– Экстрима? Э, нет. Это не мое. Я, как бы это сказать? В не очень хорошей физической форме.

Если стучать весь день по клавише и ложиться под утро, форму сохранить трудно, а вот набрать лишние килограммы – запросто. У Великого и Ужасного пивной живот и мышцы дряблые. Бицепсы и трицепсы не мешало бы подкачать. Но штанга вот уже год пылится под кроватью, там же гантели. На макушке Великого намечается лысина, хотя ему только тридцатник. Он не способен покорить Эверест, да что там, и стометровку пробежать не способен. На пятый этаж подняться без лифта – умрет от инфаркта. В больницу уж точно загремит. А она – экстрим!

– Я знаю, знаю, – торопливо заговорила зайка, – все знаю, дорогой. Это экстрим в области психологии. Как раз твое.

– Психологии, говоришь? – оживился он.

Это нынче чрезвычайно модно. Все словно помешались на психологии. Гламурные барышни и те теперь читают серьезные статьи, сидя в кресле для педикюра, пока на их ногтях рисуют цветочки и розовых мишек. То есть барышни думают, что эти статьи серьезные. И что пишут их серьезные умные люди, окончившие Гарвард. Ха-ха! Но на этом можно неплохо заработать. На человеческой тупости вообще легко зарабатывать. Хвала создателю, что в мире столько идиотов! Не надо их лечить, их надо плодить. Зайка – гламурная дурочка. Все, как говорится, при ней. Девушка полностью соответствует его статусу. Что она там лопочет?

– Дорогой, я предлагаю провести выходные в закрытом клубе, замаскированном под дурдом.

– Шутишь?

– Нисколько! Моя подруга там недавно была! Сказала: супер! Можно быть самим собой, а если у тебя есть странности, это только приветствуется.

– Что, групповые сеансы психотерапии? – оживился он.

– И это тоже.

– Злая старшая медсестра? Как в «Полете над гнездом кукушки»?

Эта роль Джека Николса всегда была его любимой. Он даже находил некоторое внешнее сходство с великим актером. Зайка знала, что ему предложить. А потом он напишет сногшибательную статью: «Уик-энд в дурдоме». Начнется бурное обсуждение. Число людей с психическими отклонениями неуклонно растет, а среди инет-пользователей маргиналов немало, да и просто людей со странностями хватает. Одна агорафобия чего стоит! Когда человек боится выходить из дома. Единственное окно в мир – Инет. А он, Самсон, его гуру. Странности? А как без них?

– Что, и диагноз поставят? – хмыкнул он.

– Поставят, дорогой, – хихикнула зайка.

– Тогда я согласен!

Он снимет все на видео. Съёмки будут иметь бешеный успех, можно даже не говорить, что дурдом ненастоящий. Детали он додумает по ходу. Ай да зайка! Знала, чем его удивить!

– Диктуй адрес.

– Встретимся там, – сказала она, прощепетав координаты закрытого загородного клуба. – Я поеду на своей машине.

– Лады, – обрадовался он. Заезжать за зайкой на другой конец Москвы было в лом. Умница просто. Наконец-то ему повезло с девушкой! Предыдущие были жадные или просто глупые, требовали дорогих подарков, тащили его за границу; на модный курорт или на шопинг. И ни одна не понимала его работы. И его души.

– Папа! Я уезжаю! – крикнул он, выйдя в коридор.

Отцу восемьдесят, но он еще бодрячком. В отличие от сына, помешан на здоровом образе жизни, не пьет, не курит, по утрам совершает часовые пробежки. Сказать ему, что ли, куда он едет? Как-никак родные. Отец ушел на пенсию с должности главврача психиатрической больницы. Еще один повод почувствовать себя пациентом дурки. Отец всегда с восторгом говорил о своей работе и от сына требовал, чтобы тот пошел в медицинский. Еле-еле ускребся. Не его это. Уж очень утомительно, и вставать надо рано. Тащиться с утра на работу, потом возвращаться домой... Морока. Он, в отличие от отца, ярко выраженная сова. И домосед.

Мать умерла после тяжелых родов, ей было сорок пять. А отцу полтинник. Многие годы чета Самсоновых, Полина и Юрий, мечтала о ребенке, отец даже считал, что это божья кара, бездетность, видать, было за что. И когда родился долгожданный сын, Юрий Самсонов был вне себя от радости, а потом от горя, потому что в тот же день потерял любимую жену. Она буквально истекла кровью. Не спасли.

– А что вы ходите, когда рожают в сорок пять?

Тридцать лет назад медицина была далеко не так развита, на старородящих смотрели с недоумением. Это сейчас в порядке вещей, когда женщины рожают в возрасте за сорок. А тогда летальный исход при таких поздних родах был вполне прогнозируемым. И Полину Самсонову об этом предупреждали. Врачи в один голос говорили: образумьтесь! Но она не послушалась...

Так они и живут с тех пор вдвоем с отцом. На вопрос папы:

– Когда женишься, Владик?

Он отвечает:

– На себя посмотри. Я тоже заведу ребенка, когда мне будет полтинник.

И тому нечего возразить. Тем более что от девиц отбою нет, придет время – все будет. У него ни жилищных проблем, ни материальных, как говорится. Все чики-поки. Прекрасная квартира, хорошая машина, неплохой доход, а главное, стабильность. Потому что он сделал верную ставку. Инет бурно развивается. А он, Самсон, его гуру. Да здравствуют блю-рей и блютуз!

Им с папой надо отдохнуть друг от друга. Хотя они давно уже общаются по Инету и крайне редко в реале. Старик довольно быстро освоил агрегат и теперь среди френдов Самсона занимает почетное место. Сын ведет ночной образ жизни, отец прирожденный жаворонок, и когда они все-таки встречаются на кухне, смотрят друг на друга с недоумением.

– Меня не будет пару дней, – небрежно бросает он. – Вся инфа – на Фейсбуке или ВКонтакте.

Отец молча кивает. Гм-м... Давно стал такой: слова из него не вытянешь. А письма пишет длинные и, можно сказать, скучные. Воспитывает его.

Все же он приучил папу к виртуальному общению. Так проще.

Владик возвращается за комп. Надо найти по карте это местечко. Элитный загородный клуб. Там его будет ждать зайка. Интересно, а секс в дурдоме предусмотрен? Имеется в виду в фальшивом, в настоящем, понятно, нет. Черт, забыл спросить, в одной они с зайкой «палате» будут обитать или в разных. Есть в преискуранте семейные сцены или за это, ха-ха, придется доплатить?

Секс в дурдоме. Это было бы забавно...

Палата № 4

- Доброе утро, Тамара Валентиновна!
- Здравствуйте, Леночка.
- Вы как сегодня?
- До обеда. А потом в другую поликлинику.
- Совсем себя не бережете, – покачала головой юная медсестра.
- Народу в коридоре много?
- Три человека. Но запись полная, Тамара Валентиновна, будут подходить.
- Разложите мне медкарты по времени. У вас ведь есть список?
- Конечно, есть! Где ж он? – Леночка зашуршала бумажками.

Тамара невольно поморщилась: неаккуратная какая. Да что там! Просто растяпа! Но текучка большая, хоть клиника и частная, не дешевая, младший медперсонал увольняется регулярно, вот и Леночка наверняка не задержится, потому и не старается. Нет, что ни говори, хорошо сейчас работают лишь врачи старой, советской еще закваски. Потому к ним и очередь. И медсестер надо брать с двадцатилетним стажем. А молодые специалисты все какие-то... Вот как Леночка.

- Не нашли?
- Не-а.
- Ну, ищите. Спуститесь в регистратуру.
- Ой, я лучше комп включу! Как я сразу не сообразила!

Они все такие. С кем из знакомых ни поговоришь – все жалуются на детей. Несерьезные. К деньгам относятся очень уж легко. А что? Возьму в кредит! Если хочется, почему нет?

Кредит... Какое страшное слово. Берешь чужие, отдаешь свои, намного больше, чем берешь. В два раза, а то и в три. Каждый месяц, больной, здоровый, неважно, плати! Банку безразлично твое физическое, равно как и душевное состояние. Ему нужны деньги.

Деньги, деньги... Все словно помешались на них! Где ж их взять-то, эти проклятые деньги?!

Она посмотрела на часы: до начала приема еще есть время.

- Леночка, вы нашли?
- А как же!
- Сделали, как я просила?
- Нет пока. Но щас сделаю!
- Я подойду ровно в девять, тогда и начнем. Надеюсь, к этому времени все медкарты стопкой будут лежать у меня на столе, от первого пациента, который записан на 9.00, и так далее, до часу дня.

- Ага.
- Не ага, а сделайте, пожалуйста.

Она, стараясь сдерживать растущее раздражение, вышла в коридор. Напротив двери в ее кабинет на дорогом кожаном диване чинно сидели пациенты, все в бахилах.

– Прием начнется ровно в девять, – ровным голосом сообщила она, глядя на одинаковые целлофановые ноги, стоящие на полу в ряд, и зашла в соседний кабинет. Врач-терапевт Давыдова, тоже пенсионерка и ее давняя подруга, как раз снимала шубу. Врачи старой, советской закалки никогда не опаздывают.

- А, Тома, здравствуй!
- Леночка, растяпа, список потеряла. Знает ведь, что я каждый раз прошу распечатку, потому что плохо владею компьютером.

– А моя вообще еще не пришла. Опаздывает, как всегда, так что начну прием без медсестры.

– Вот почему они такие?

– Они такие, какими их сделали мы. Взять хотя бы твоего сыночка любимого. Игорька. Влез в ипотеку, а работу потерял. Где была его голова?

– Но ты же знаешь нашу ситуацию. Мы со снохой не очень ладим, а жить в однушке... Я внуков хочу.

– Но почему сразу двухкомнатную, а?

– Дети пойдут.

– Не дожدهшься! – тряхнула головой Давыдкова и достала из сумочки расческу. – Они сейчас живут для себя. А ты для них. Жилы из себя тянешь.

– Должна же я помочь сыну.

– А почему он дома на диване лежит?

– Работу не может найти по специальности.

– Пусть устроится не по специальности. Хоть таксистом!

– Как можно? С высшим образованием.

– Ах, Тома, Тома... Ну, иди, вжаривай.

– Ты же тоже работаешь, хоть и пенсионерка, – уколола она.

– Тоже дура! И какая дура! Но я хоть жилы из себя не тяну, не мчусь сломя голову из одной клиники в другую.

– У тебя ситуация не такая безнадежная.

– Без одной минуты девять, – взглянула на часы Давыдкова. – Пора.

– Да, пора.

– Не заскочишь потом на минутку? Поболтаем.

– Сегодня не могу. Но как-нибудь обязательно!

– Как-нибудь.

Вот уже полгода они с Верой собираются посидеть в каком-нибудь кафе. Выпить по бокальчику вина, поболтать. Полгода... Нет, этого не будет никогда. Потому что дела.

В это время в соседнем кабинете Леночка разговаривала по мобильнику.

– Мегера просто! Робот-автомат! Ненавижу ее! Что сказала? Да, надо увольняться. Пойду в косметологию, богачкам ботокс колоть. А тут просто болото. И денег мало. Да еще эта... Гадюка. Вот за что мне это? Ну не везет на начальниц! Все думаю: какую бы ей пакость сделать, так она меня достала! Что говоришь? Ой, кажись, идет! Я тебе потом перезвоню!

– Кто записан на девять ноль-ноль, пожалуйста, заходите, – Тамара Валентиновна постаралась приветливо улыбнуться и открыла дверь своего кабинета. С диванчика поспешно встал пожилой мужчина.

Тамара Валентиновна увидела, как Леночка торопливо запикивает в сумочку мобильник. Так и есть: не карты раскладывала, а по телефону трепалась. Сухо спросила медсестру:

– Вы сделали то, что я просила?

– Вот девять ноль-ноль, – Леночка бросила на стол терапевта карту. Та проехала по стеклу и замерла на самом краю. Выпавший из карты листок с анализами упал на пол.

Лицо Тамары Валентиновны пошло пятнами. Какое неуважение! И к ней, и к пациенту. А ведь он за прием деньги заплатил, и немалые! Это частная клиника! Да и в обычной районке все равно нельзя так относиться к работе. Какие бы деньги ни платили, надо уважать свою профессию!

«Сегодня же напишу жалобу на имя главврача, – решила она. – Так больше нельзя».

– ...Сыночек, ты дома?

– Да, мама.

Сын, зевая, вышел из спальни. У нее свой ключ, сноха дала, той ведь с утра до вечера нет дома, а Игорю надо поесть приготовить, посуду за ним помыть, белье постирать-погладить. Он как ребенок, совсем не умеет справляться с бытом.

- Как дела?
- Все по-старому.
- А Юля где?
- На работе.

Да, со снохой они не ладят, характер у девушки не сахар, но Тамара Валентиновна относится к Юлии с уважением. Она менеджер по продажам и с утра до вечера пропадает на службе. Вдвоем они тянут ипотеку, пока сын ищет работу.

- Звонил куда-нибудь?
- Не-а. Мне должны позвонить.
- Ты бы делал что-нибудь, сынок, – не выдержала она.
- Ну, ма.

Ласковый, как котенок. Обнимает ее, трется щекой. И она тает. Родила его в тридцать, без мужа, что называется, для себя. Одна воспитывала, одна выучивала. Гордилась сыном: красивый. Умный. Ростом вон под потолок! Плечи широченные. Двадцать восемь лет. Все бы хорошо, да год назад остался без работы. Тамара Валентиновна подозревает, что и сын, и сноха ей чего-то недоговаривают. Расстраивать не хотят. Но ведь Игорек – он прелесть. Как он может кому-то не нравиться?

- Ма, дай мне покушать.
- Сейчас, сынок, сейчас...

Она торопливо включает плиту. Когда еще придет Юля? Тоже голодная, уставшая. Молодым сейчас тяжело, им надо помогать. И она помогает. Где бы найти такую работу, чтобы за нее много платили? Так много, чтобы проблема с деньгами окончательно решилась. То есть о них можно было бы вообще не думать. Ведь думать приходится постоянно...

– Тамара Валентиновна, я недавно узнала, что одна богатая семья ищет врача. То есть они хотят семейного доктора, с опытом, ответственного. И я подумала, что это прям вы!

- У меня есть работа, Леночка.
- Но они бешеные деньги обещают платить! Я же говорю: олигархи!

Леночка отзывается о богатых людях с восторгом. На ее хорошеньком наивном личике большими буквами написано: отдам все за красивую жизнь!

- И откуда у вас такие знакомые, Леночка?
- Из клуба. Я в ночном клубе случайно с парнем познакомилась. Разговор о медицине зашел, ну он и... – Леночка смешалась.

То, что она ходит по ночным клубам, Тамару Валентиновну несколько не удивило. И что парни обращают на Леночку внимание, тоже. Безалаберная, да. Но очень хорошенькая. Ах, они, молодые, живут одним днем, расписываться не спешат, не понравились друг другу – разбежались. Вот и Леночка. Странно, что разговор у нее с сыном олигарха зашел о медицине.

- У меня есть работа, – твердо повторила Тамара Валентиновна.
- Но вы хотя бы попробуйте. Вы столько для меня делаете, что я подумала, не могу ли и я для вас что-нибудь сделать?

Терапевт с удивлением посмотрела на Леночку. Тамара Валентиновна всегда считала, что она ее недолюбливает. Но тут же вспомнила Игоря. Да, они такие, безалаберные, но добрые. Видя ее колебания, девушка затараторила:

- Я дам номер вашего мобильного секретарше олигарха. Она позвонит и все объяснит. Это что-то типа собеседования. Надо выяснить, подходите вы им или нет? А потом уже познакомят с хозяином.

– А большая у них семья? – поморщившись, спросила Тамара Валентиновна. Работать на богача откровенно не хотелось. Сюда тоже не бедные люди приходят, но, поскольку это общественное место, держат себя в руках. А как они ведут себя дома, бог знает. Вон что в газетах-то пишут!

Но искушение оказалось слишком велико. Она все-таки разрешила Леночке дать секретарше олигарха номер своего мобильного. Любопытство разбирало: сколько же он собирается платить? И потом, никто ведь не обязывает ее принимать предложение. Будет просто собеседование. И скорее всего, она им не подойдет.

...Секретарша позвонила вечером, когда Тамара Валентиновна, уставшая, только-только вышла из ванной комнаты и готовилась пить чай. Зеленый с жасмином, с мятой, как она любила.

– Тамара Валентиновна?

– Да, я, – сказала она, замирая. И подумала: «Господи, что же я так разволновалась-то?»

– Елена мне дала ваш номер телефона и сказала, что вы не прочь поработать месяц в загородном доме моего хозяина. Пожить там, присмотреться. Это испытательный срок.

– Как месяц? – заволновалась она. – Погодите, мне об этом ничего не говорили. Речь шла о должности семейного врача.

– Все правильно, – терпеливо пояснила женщина. Судя по голосу, ответственная, выдержанная. И не девочка уже. Это успокаивало. – Но согласитесь, хозяева должны знать, кому они доверят свое здоровье. Поэтому испытательный срок обязателен.

– Да, конечно. Но почему с проживанием?

– А как вы себе это представляете? Они живут за городом, люди немолодые, нуждаются в постоянном наблюдении врача. По крайней мере, на первых порах. Потом вы будете иметь свободные дни.

– Нет, я не могу. У меня работа.

– Возьмите отпуск.

Она и в самом деле давно уже не была в отпуске. Года три. Нет, четыре. Или все пять? Забыла уже, что это такое: отпуск.

– Какая бы сумма вас устроила? – спросила секретарша.

– Что значит: какая сумма? – растерялась она.

– Сколько бы вы хотели получить за свою работу? За то, что месяц поживете в доме у Марка Захаровича?

– Так зовут вашего хозяина?

– Да.

– Вы меня поставили в затруднительное положение.

– Сто тысяч вас устроит?

– Сколько?!

– Сто тысяч рублей. Я понимаю, что это немного, но, если вы понравитесь Марку Захаровичу и пройдете испытательный срок, он повысит вам зарплату. Забыла сказать: эти деньги вы получите чистыми, поскольку жилье и питание вам предоставят.

Она разволновалась. Сто тысяч рублей! И это на период испытательного срока! Словно мысли ее подслушали! И насчет отпуска. Да, не была. Как удачно все складывается. Она берет на работе отпуск, а сама едет в дом к олигарху. Получает за месяц сто тысяч. Не понравится он ей или она олигарху – деньги при ней, и работа не потеряна. Можно вернуться к прежней жизни. Плюс сто тысяч. Юле существенная помощь. Несколько месяцев можно не думать о взносах за ипотеку. А там Игорек работу найдет.

– Я согласна.

– За вами пришлют машину.

Уладив формальности, связанные с очередным отпуском, она обрадовала Юлю.

– Я уезжаю на месяц. На заработки. Об Игоре придется позаботиться тебе, зато я привезу денег.

– Здорово! – похвалила сноха. – Тамара Валентиновна, вы молодец!

И она расцвела улыбкой. А на следующий день за ней приехала машина.

Палата № 5

- Здравствуйте, Софья Львовна! Вам звонят из клиники доктора Ройзена.
 - Самого Ройзена?!
 - Я вижу, вы наслышаны.
 - Я много лет проработала медсестрой в стационаре психиатрической больницы, потом ассистенткой врача-психотерапевта, поэтому работы профессора Ройзена в области психиатрии и психотерапии мне известны. Он пользуется в наших кругах огромным авторитетом.
 - Мы тоже подробно ознакомились с вашей трудовой биографией.
 - Чему я обязана таким вниманием?
 - Доктор Ройзен решился на сложный психологический эксперимент. Для этого ему нужна помощь квалифицированной медсестры. Он консультировался со своими коллегами, ему порекомендовали вас.
 - Польщена.
 - Подробности вы сможете узнать, приехав на собеседование.
 - Я как раз временно осталась без работы, но все равно это так неожиданно.
 - Софья Львовна, старые проверенные кадры сейчас в большой цене. У вас почти тридцать лет трудового стажа. По специальности, что важно.
 - Я вижу, вы хорошо осведомлены.
 - Особенно впечатлило доктора Ройзена, что вы двадцать лет проработали в психиатрическом стационаре. Эксперимент, который он собирается поставить, чрезвычайно сложный и требует профессиональных навыков, которыми вы, бесспорно, обладаете.
 - Я польщена, – повторила она.
 - Вы сможете подъехать в клинику завтра в четыре часа? Время вас устраивает?
 - Абсолютно!
 - Тогда записывайте адрес.
 - Я знаю, где находится клиника профессора Ройзена.
 - Вот и отлично. Вам надо подойти на рецепцию, представиться и сказать, что вы записаны на четыре часа.
 - А что, есть и другие претенденты?
 - Разумеется. Начиная с сегодняшнего дня Марк Захарович проводит собеседования. Ваша кандидатура его устраивает, но личное общение необходимо.
 - Понимаю. Я приеду. Мне очень хочется получить эту работу, поскольку я бесконечно уважаю профессора Ройзена.
 - Вы даже не спросили об оплате.
 - Я думаю, этот вопрос Марк Захарович поднимет на собеседовании?
 - Обязательно. До встречи.
- Она всерьез разволновалась. Сам Ройзен! Подумать только! Светило отечественной психиатрии! Да и на мировом уровне он хорошо известен. Хотя Марк Захарович ведет замкнутый образ жизни и почти никуда не выезжает, но зато активно общается со всем миром по Интернету. Все его работы известны, на них постоянно ссылаются. У профессора Ройзена время расписано на год вперед, он очень востребован и принимает исключительно по рекомендации людей со средствами. Причем никогда не берется консультировать истеричек, не знающих куда девать время, и пресыщенных бездельников-плейбоев, которые изнывают от банальной хандры. Нет, Ройзен принимает лишь пациентов с серьезными психическими отклонениями, которым действительно помогает. Это все равно что идти по минному полю, но профессор Ройзен человек отважный. О нем гремит молва, к нему на прием ломятся.

Наконец-то она его увидит! Он не любит светиться, есть лишь пара черно-белых, нечетких фотографий в Инете да цветной, но мутный снимок из журнала, и ни разу Марк Захарович не появлялся на экране телевизора. Все правильно, пиар ему не нужен, он и так востребован. И тайны ему доверяют такие, о которых лучше молчать. Потому что его пациенты люди не обычные. Они, во-первых, очень богаты, во-вторых, известны. Человеку, каждое слово которого ловит вся страна, совсем не нужно, чтобы все ее жители были в курсе его проблем со здоровьем. В-третьих, пациенты доктора Ройзена серьезно больны. Человеческая психика штука тонкая, малейшая ошибка – и демон вырвался на волю. Из вполне безобидного параноика может получиться очередной кровавый маньяк. Возьмет он в руки автомат – и вперед! А потом пулю себе в лоб, если вдруг поймет, что профессор Ройзен его использовал в личных целях. Пропиариться там или денег подзаработать. Вот почему Марк Захарович ведет замкнутый образ жизни, можно даже сказать, аскетичный. Чтобы пациенты ему доверяли. И пока его репутация безупречна.

Софья Львовна долго думала: что надеть? Профессор Ройзен женат, о его личной жизни известно мало, но там, похоже, все в полном порядке. Сын-студент, дочь заканчивает школу. А она... Увы, не замужем! Сорок восемь лет, семейная жизнь так и не сложилась. Была парочка бурных романов, что называется, на разрыв аорты с коллегами по работе. Но оба любовника были несвободны, во втором случае все уже шло к разводу, но вдруг... Ах, это вдруг! Жена тяжело заболела, и началось бесконечное, выматывающее:

– Как я могу ее бросить в таком состоянии? Подождем, пока прооперируют.

Потом: подождем, пока пройдет период реабилитации. Не случилось бы рецидива, подождем ежегодного осмотра. И так три года! Потом Софья просто плюнула на так называемые отношения: жена оказалась хитрее. Хотя болезнь не выбирают. Но очень уж вовремя все случилось. Софье Львовне тогда было тридцать девять. В общем, рубеж. А когда она поняла, что все кончено, глянула в зеркало и оторопела:

– Мамочки! Сорок два!

Рожать? От кого? Хотела от мужа. Но теперь уже поздно. Одной ребенка не поднять, нет уже прежней лихости, бесшабашности: а, все пустяки, преодолею! Вдруг вылезли не болезни, а так, недомогания, пока еще не значительные, жизнь не отравляющие, но все равно досадные болячки. Вдруг понадобились очки с плюсовыми стеклами. Пустяк: одна диоптрия. Даже + 0,7. Но не рано ли? Не диабет ли начинается? По ночам стали болеть ноги, правую иногда сводило судорогой. Не варикоз ли? Перед месячными начались жуткие изматывающие мигрени. Потом колебания цикла, пока не значительные, но все же. Она заволновалась. Неужели это климакс? Она ведь сама медик, понимает, что с такими болячками ребенка выносить трудно, да и роды будут непростыми. Однозначно кесарево, а что потом? Насколько затянется период реабилитации? И что будет с ребенком, кто за ним присмотрит? Маме семьдесят два, сама как ребенок и все время болеет.

Еще год прошел в колебаниях: рожать, не рожать? В сорок три решила: пошла на осмотр. И... не услышала ничего утешительного. Врач-гинеколог посмотрела с жалостью:

– Что ж вы, милая, до последнего тянули? Вам теперь и забеременеть большая проблема, у вас вон уже пременопауза. Цикл плавает, в правом яичнике киста. Лечиться будем или рожать? А потом лечиться.

Так Софья оставила мысль о ребенке. Принялась старательно лечиться, заботиться о своей внешности. Раз такое дело, надо удвоить усилия. Хотя зеркало говорило: все еще хороша. Не прежняя Сонечка, румяная девушка с темной косой в руку толщиной, а солидная дама с элегантной прической, с годами не располневшая, как большинство ее рожавших ровесниц. Стройная, подтянутая, знающая себе цену. Софья Львовна.

Предстоящая встреча с профессором Ройзенем ее волновала. Работать рядом с таким человеком большая честь, да и деньгами наверняка он не обидит. Гонорары у Марка Захаровича, по слухам, заоблачные.

Все-таки оделась строго. Как ответственный работник, без всякого намека на кокетство. И косметики минимум, тушь для ресниц, капелька румян и почти бесцветная губная помада. Пришла в клинику без десяти четыре и сразу на рецепцию. Подошла, представилась.

Секретарша оказалась смазливой девицей лет двадцати, это явно не та дама, что разговаривала с Софьей Львовной по телефону. У той голос был старше и значительнее. Но быть может, собеседование назначила личный секретарь профессора Ройзена, а эта девица так называемая «разводящая»?

– Здравствуйте, Софья Львовна, – приветливо улыбнулась секретарша. – Мы вас ждем. Вы записаны на четыре часа.

Софья машинально отметила: очень хорошенькая. Не чурается Марк Захарович красивых женщин. Это приятно.

– Так мне можно пройти к Ройзену? – немного волнуясь, спросила она.

– Да, конечно. Можете пока присесть на диванчик перед телевизором, он вас пригласит, как только освободится.

– Ах... Так он занят?

– У доктора Ройзена весь день расписан, – улыбнулась девушка. – Так что вам повезло.

Она разговаривала с Софьей Львовной как с больной, видимо, это особенность профессии. Девице за то и платят, чтобы она действовала на пациентов успокаивающе, не дай бог, не спугнула бы, ведь на визит к психиатру не просто решиться, даже больным венерическими заболеваниями симпатизируют больше, чем людям с психическими отклонениями. Общество напугано сообщениями о кровавых маньяках, журналисты стараются вовсю. Софья Львовна сочла унижительным устраивать разборки с какой-то безмозглой девицей, напоминать, что она пришла на собеседование, а не на консультацию. Придет время – поставит ее на место. Сейчас главное – добиться аудиенции у Марка Захаровича. Расположить его к себе, показать товар лицом.

Ждать пришлось недолго. Ровно в четыре дверь кабинета открылась и на пороге появился коротко стриженный темноволосый мужчина:

– Софья Львовна? Проходите, пожалуйста.

Она, слегка волнуясь, встала. Профессор Ройзен был невысокого роста, худощавый и, как ей сначала показалось, очень уж молодой. Но потом она разглядела и седину в волосах, и темные круги под глазами, и глубокую вертикальную складку на лбу. Просто истинный возраст Марка Захаровича скрывали очки со слегка затемненными стеклами в тончайшей, почти невидимой золотой оправе. «Полторы-две диоптрии, – оценила она. – Минус, не как у меня плюсовые». Еще у него оказалась ненормально большая голова, непропорциональная его росту, наверно, поэтому доктор Ройзен и стригся так коротко. Этот недостаток внешности сразу бросался в глаза. Не будь он светилом науки, про него сказали бы: карлик с огромной головой. Но наличие ученой степени и мировая известность делали этого карлика великаном. А голова? Да, большая. А какая у него должна быть голова?

Зато небольшая близорукость, вследствие которой ему пришлось носить очки, была доктору Ройзену к лицу. Очки ему шли, и подобраны они были с большим вкусом, да и стоили немало. Как показалось Софье Львовне, он немного нервничал. Видимо, разговор с ее предшественником (или предшественницей) был непростой. Собеседование – мероприятие чрезвычайно ответственное и для работодателя-теля, и для соискателя. Софья Львовна прекрасно это понимала и старалась не дрожать. Ей уже стала передаваться его нервозность. Профессор Ройзен пропустил ее вперед и плотно закрыл дверь кабинета.

Софья Львовна вошла не спеша, с достоинством, прежде чем сесть, огляделась и заметила еще две двери. Первая – скорее всего, выход. Все правильно: пациенты не должны друг с другом встречаться. Поэтому доктор Ройзен выпускает их прямо на улицу, не через рецепцию. Знакомый прием.

Вторая дверь, скорее всего, вела в комнату отдыха. Это тоже в порядке вещей. Там наверняка душевая кабина, кофемашина, большой удобный диван. У врача-психотерапевта, с которым раньше работала Софья Львовна, все было именно так. Не у Ройзена ли срисовал? Недавно он говорил о Марке Захаровиче с восторгом, как о своем учителе.

– Что же вы? Проходите, садитесь, – отрывисто предложил Ройзен.

Она села не на краешек, чтобы не показать своей неуверенности, но и не откинулась на спинку стула, чтобы нельзя было ее упрекнуть в развязности. Какое-то время они молчали. Софье Львовне даже показалось, что Ройзен чего-то от нее ждет. Его лицо ей смутно было знакомо, видимо, сыграли свою роль фотографии, виденные в Интернете.

Пауза затянулась. Софья Львовна начала волноваться. Что-то не так?

– Что вы думаете обо всем этом? – вдруг широко улыбнулся он. И она расслабилась, даже слегка пококотничала:

– Я думаю, что вы гораздо моложе, чем на фотографиях.

– А вы видели мои фотографии? – пристально глянул он.

– Там почти ничего нельзя разглядеть.

– Потому что они ужасны, – сердито сказал профессор Ройзен. – Я на редкость не фотогеничен.

– Поэтому и не любите фотографироваться?

– Мне ни к чему огласка. Чем меньше обо мне информации, тем лучше. Мои пациенты люди сложные. Да не вам мне объяснять.

Она поняла, что пора переходить к делу:

– Я сочту за честь работать с вами, Марк Захарович.

– Вы же еще не знаете, о чем идет речь.

– В чем суть эксперимента? – деловито спросила она и вся превратилась в слух.

– Лечение нетрадиционным способом. Я подобрал определенный контингент. Четыре человека. Все они убийцы.

– Убийцы?!

– О! Они никому не приставляли нож к горлу. Вряд ли они сами подозревают о том, что стали причиной смерти человека.

– Косвенной причиной?

– А это снимает тяжесть преступления? – нахмурился Ройзен.

– Но все мы невольно, так или иначе...

– А разве это не болезнь? Когда один человек сознательно обрекает другого на гибель? Или несознательно? Да, он не убивает, он просто не оставляет ему выбора.

– И как вы собираетесь их лечить?

– С вашей помощью, Софья Львовна, с вашей помощью. Все они будут помещены в стационар закрытого типа. В небольшую частную клинику, находящуюся за городом.

– И они согласны туда поехать?!

– По разным причинам. Кому-то захотели слегка подправить мозги родственники, одного господина спроводила подруга, на которой он все никак не женится, кто-то польстился на деньги.

– Так вы завлекли их обманом?! Не добровольно?!

– Э, Софья Львовна! Только не надо. Вы что, ремнями никогда не крутили своих пациентов? К вам в клинику так-таки добровольно все приезжали? Я точно знаю, что нет, – Марк Захарович посмотрел на нее как-то странно.

- Но это ведь совсем другое дело!
- Обострение болезни, вы хотите сказать?
- Ну да. Приступ. Когда человек становится социально опасен и нуждается в принудительной госпитализации.
- Если он убил, значит, уже социально опасен, – жестко сказал Ройзен. – Чтобы это не повторилось, надо ему вправить мозги.
- А мне вы какую роль отводите?
- Старшей сестры, Софья Львовна, старшей сестры.
- Надзирателя?
- Ну, зачем так? Вы будете выполнять мои предписания.
- Медикаментозное лечение входит в программу? – спросила она в упор.
- Исключительно по медицинским показаниям, коих я пока не вижу. Беседа, только беседа. Пока. И вы будете с ними беседовать. Расспрашивать. Намекать. Наталкивать на мысль.
- То есть они не догадываются, что стали убийцами?
- Именно так, – серьезно посмотрел на нее Ройзен.
- Все это странно.
- А как вы хотели? Науку надо двигать вперед.
- Надеюсь, у вас есть согласие их родственников? И вы никого не собираетесь держать там принудительно? Нарушать закон?
- Никаких законов я нарушать не буду, – заверил Ройзен. – Разве что самую малость. Но ведь вам это знакомо, Софья Львовна?
- Мне?
- Она отчего-то заволновалась. На что он намекает? Что криминального раскопал в ее прошлом? Да, она не святая. Так ведь никто не святой.
- Сколько вы желаете получать? – в лоб спросил Ройзен.
- Поскольку работа сложная... Сопряженная с определенными трудностями... – замялась она.
- Вы ловите все на лету, – похвалил Марк Захарович.
- ... то я бы надеялась... – она все еще мялась.
- Ну, скажем, три тысячи долларов в месяц вас устроит? Я планирую завершить эксперимент в течение месяца. Но, если моя методика будет иметь успех, поступят новые пациенты. И вы останетесь работать в частном стационаре. Возможно, даже с повышением зарплаты, потому что, как вы знаете, мои клиенты люди не бедные.
- Что ж...
- Она раздумывала: торговаться или нет?
- Решайтесь, – сказал профессор Ройзен. – В конце концов, вы всегда можете потребовать прибавки. Если ситуация вдруг выйдет из-под контроля.
- А такое может случиться?
- У меня надежная охрана. Младший персонал прошел специальную подготовку. Но вам ведь знакома специфика работы?
- Да, конечно.
- Решайтесь, – повторил он.
- И она решилась. В конце концов, три тысячи долларов в месяц на дороге не валяются. И работать у самого Ройзена...
- За вами пришлют машину. И, Софья Львовна... Я очень надеюсь, что этот разговор останется между нами. Что, придя домой, вы не кинетесь обзванивать своих подружек: «Дорогая, ты не представляешь, какую шикарную я нашла работу! – передразнил он. – У самого Ройзена! За три штуки!»
- За кого вы меня принимаете? – возмутилась она.

– Вот и отлично.

Он встал и открыл дверь. Ту самую, на выход. Она поняла, что аудиенция окончена, и тоже поднялась со стула. Что это? Удача?

– Вы очень интересная женщина, – серьезно сказал вдруг Ройзен. – Не ожидал.

И она вспыхнула. Вот чего ей не хватало! Намека на то, что это не просто работа, а сотрудничество двух близких по духу людей, один из которых мужчина, другая – женщина. Оба романа Софьи Львовны были с коллегами. И ей отлично известно, чем заканчивается совместная работа над трудноразрешимой проблемой. Когда профессиональные споры затягиваются допоздна и на столе появляется бутылка дорогого коньяка...

Доктор Ройзен ясно дал понять, что он мужчина. И что ему это тоже известно. Потому она и согласилась без колебаний. Сердце тревожно билось. Не рано ли, Сонечка, ты поставила на себе крест?

А Марк Захарович, надо отдать ему должное, интересный мужчина...

Палата № 1: размещение

Анатолий Брагин хмуро смотрел в бритый затылок своего шофера. Парень, конечно, надежный, но и у Серафима Кузьмича таких парней – завались. Скрутят вмиг. С другой стороны, баба, звонившая от имени Быля, пообещала, что силу Кузьмич применять не будет.

Чего стоит слово вышибалы?

– Далеко еще? – хмуро спросил он водителя.

– Почти приехали, шеф! – весело ответил тот. Вокруг был лес.

«И чего он скалится?» – с неприязнью подумал Брагин. Ели стояли стеной. Дорога петляла среди молчаливых красавиц в зеленых платьях, украшенных гирляндами серебристого инея, каждая из них могла бы украсить Кремлевский дворец съездов во время новогодних праздников. Как на подбор! Далеко же забрался Кузьмич!

Вадик Копылов предупреждал, что Быль человек со странностями. В Инете о Быле ни словечка. Женат, вдовец? Есть ли дети? Размеры состояния? Место жительства? Вся информация – агентство ОБС. Только слухи, которые дошли и до Копылова. Сколько в них правды? Неизвестно. Кузьмич – это миф, хотя и зовется Быль.

Да нет, не миф. Дорога уперлась в глухие ворота. Брагин видел только зеленые макушки все тех же вековых елей, но потом разглядел вдали и малиновую крышу. Владения Кузьмича были огромны. Несколько гектаров элитных угодий, земля в здешних местах на сто процентов заповедная. Поместье отделяет от мира глухая стена в полтора человеческих роста. Поверху – колючая проволока. Возможно, под напряжением. Не загородная резиденция – тюрьма. Брагину стало не по себе.

Ворота почти бесшумно открылись, видимо, охрана срисовала номер брагинской машины еще на шоссе. Видеокамера могла притаиться на любой из елей. Они въехали на территорию огромного поместья. Посреди белоснежного безмолвия стоял странный дом. Он был похож на...

– Здесь раньше был стационар психиатрички, – охотно пояснил шофер.

– Чего-о? – вздрогнул Брагин.

– Психи, говорю, лечились. Эти... ну... особо опасные. Глухомань ведь.

Брагин заметил дюжих мужиков в камуфляже и подумал: «Я идиот!» Нельзя было соглашаться на встречу. Только не здесь. Вадик виноват: напугал его.

«И почему я решил, что с Былем можно договориться по-хорошему?» – с тоской думал Брагин, поднимаясь по ступенькам. В просторном холле стояли мраморные статуи, на стенах висели картины, но пахло здесь все равно больницей.

Встретила его женщина, про которую он сразу подумал: «Эсэсовская овчарка». Она производила странное впечатление. Вроде бы и симпатичная, но какая-то замороженная. Лишенная всяких эмоций. Платиновое каре жиденьких волос, очень светлые глаза, выщипанные в ниточку брови, бесцветные ресницы. Лицо бескровное, без грамма косметики, будто бы в холле стоял оживший мертвец.

– Здравствуйте, я управляющая в этом доме. Магдалена Карловна.

«И в самом деле немка», – усмехнулся Брагин.

– Разрешите проводить вас в отведенную вам комнату, – бесстрастно сказала управляющая.

– В комнату? В какую комнату? – завертел головой Брагин. Его шофер, он же телохранитель, куда-то испарился. – Мы так не договаривались!

– Вы ведь погостите у Серафима Кузьмича какое-то время?

– Что значит погостите?! – дернулся Брагин.

За спиной тут же возник дюжий мужик с лицом, не выражающим никаких эмоций. Таким же, как у немки. Весь его вид говорил: расслабься, сопротивление бесполезно.

– Вы ведь не рассчитывали на то, что вам простят ваши долги? – все так же без эмоций спросила Магдалена Карловна.

– Я приехал на переговоры, – хрипло сказал Брагин.

– Считайте, что они затянулись. Прошу.

Он засопел, но деваться было некуда. Бежать? Куда? В лес? Смешно! У ворот охрана, собственный телохранитель, похоже, его кинул. Вслед за немкой Брагин затопал по ступенькам наверх. Магдалена Карловна вела его на второй этаж.

– Вот ваша комната, – управляющая открыла одну из дверей. – Располагайтесь.

– Куда меня привезли? – напряженно спросил Брагин.

Комната была похожа на школьный пенал, такие были почти у каждого ученика в далеком советском детстве Толика Брагина. Деревянный узкий ящичек со сдвигающейся крышкой, в котором лежали ручки, карандаши, ластик, запасные стержни. Такой же была эта комната, узкой и длинной, по левой стене тянулся светлого дерева шкаф-купе, у правой стояла кровать с такими же деревянными спинками, на единственном окне – решетка. Брагин понял, что попал.

– Пожалуйста, отдайте ваш мобильный телефон, – бесстрастным голосом сказала эсэсовка.

– Черта с два!

– Вы ведь благоразумный человек, Анатолий Борисович. Не заставляйте применять к вам силу.

– Вы же обещали, что не будете!

– А вы часто выполняете свои обещания?

– Что-то я не понял...

– Я спрашиваю: вы свои обязательства всегда выполняете, Анатолий Борисович? – металлическим голосом произнесла немка.

– Значит, меня кинули? – напряженно спросил Брагин.

– Ну, сначала кинули вы.

– Нате! Подавитесь! – Он выхватил из кармана мобильник и швырнул немке. Та неожиданно ловко поймала его на лету.

– Раздевайтесь, располагайтесь, – предложила она. – В туалет вас будут водить. Пока.

– Что значит, пока?

– Пока вы не освоитесь. Свободы вашего перемещения по дому никто не ограничивает. А вот за порог здания выходить не советую. У господина Быля злые собаки.

«Это я уже понял», – с ненавистью подумал Брагин, глядя на овчарку в женском обличье. С противоположным полом у него проблем никогда не было, дамы к нему так и липли, он мужчина симпатичный и со средствами. Но к этой он не знал, как и подступиться.

– Могу я поговорить с Серафимом Кузьмичом?

– Серафим Кузьмич пока занят. Вы с ним обязательно поговорите.

– Это произвол! – завопил Брагин.

– В шкафу пижама. Ужин в семь. Можете отдыхать. Лежите, думайте.

Магдалена Карловна вышла. Брагин услышал, как в замке повернулся ключ. Он метнулся было к двери, но передумал. Кинулся к окну. Вроде невысоко, но на окне решетка. Брагин потряс ее, пробуя на прочность. Сразу же нарисовался охранник. Молча смотрел, как он трясет решетку. Потом выразительно потрогал висящий на шее автомат. Анатолий поспешно отошел от окна. Сопя, стал снимать пальто. Стало душно. Топили тут хорошо.

Он переоделся в пижаму, лег на койку и, заложив руки за голову, попытался сосредоточиться.

«Что я идиот, это ежу понятно. Вадику спасибо! За то, что сказал: надо с Кузьмичом договориться. Водитель, сука, кинул. А может, он знал, куда и зачем едет. Интересно, сколько ему пообещали за то, что меня сольет? Учтывая, сколько с меня хочет получить Быль, все равно копеечные расходы. Значит, вот какими методами действует Кузьмич. Старыми, проверенными. Похищают, сажают под замок. Что, и пытать будут?»

Брагин застонал и перевернулся на бок. Неужели придется отдать квартиру? Черта с два! Он выдержит. Потянет время, а потом что-нибудь придумает. Ему вдруг показалось, что к дому подъехала машина. Во всяком случае, он явственно услышал шум мотора. Хозяин приехал?!

Брагин кинулся к окну. Черт! Окна, из которых просматривался подъезд к дому, выходили на другую сторону. Его же пенал зарешеченным окошком уперся в лес. Зеленые солдаты оцетинились колючими штыками – ветвями, Брагин понял: здесь не пройти. Он вернулся и лег. Мысли побежали по кругу. Анатолий упорно думал, как спастись.

Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным и несчастным. Жизнь завела его в тупик. До сих пор обходилось. Хотя всякое бывало. И он кидал, и его кидали, были долги, которые ему прощали в ответ на те, что прощал он. До сих пор соблюдался баланс. Брагин надеялся, что, как и в девяносто восьмом, банк, которому он должен, обанкротится, а долг спишется. Или найдется другое решение. Но что долг будет продан коллектору... И кому! Бандиту! Бывшему вышибале! Уголовнику!

Вроде не девяностые. Или все возвращается на круги своя?

Палата № 2: заселение

В машине Татьяна Кабанова задремала. Когда выдавалась минутка свободного времени, она всегда спала. Хотя сейчас ей очень хотелось насладиться своим новым положением. Тем, что она едет по Москве в роскошной машине, как какая-нибудь дама. И все на нее смотрят, завидуют. Так ей, во всяком случае, казалось. Но в салоне было тепло, и веки ее сами собой сомкнулись.

Очнулась Татьяна уже в лесу: вокруг стояли на диво красивые ели. Было морозно, но не снежно, поэтому хвою покрывала не пушистая белая шуба, а полупрозрачная кисея, сотканная из инея. Возникло чувство, что открылась книжка со сказками, и вот оно, волшебство! Сердце Татьяны подпрыгнуло от радости. Сбылись ее самые сладкие грезы. Вот уже много лет она мечтала на Новый год поехать в деревню. Чтобы, как в детстве, нарядить елку, стоящую прямо в снегу, на санях покататься, в снежки поиграть. Новогодние праздники миновали, и, как всегда, не получилось. Но желание, которое она загадала под бой курантов, сбылось. Во-первых, деньги. Это главное. А во-вторых, выбраться из этого душного, кишашего машинами муравейника, из этой клоаки, из Москвы, будь она неладна! На природу. Хоть на время забыться и глотнуть чистого воздуха.

Потому она и ликовала. Мечта сбылась! Татьяна была совершенно счастлива. Ворота открылись, пропуская машину, в которой она ехала. Дорога вела к особняку под малиновой крышей. На крыльце Татьяну встретила молодая симпатичная блондинка.

– Магдалена Карловна, – представилась она. – Я управляющая, вы будете под моим началом. Проходите, пожалуйста, в дом, Татьяна Семеновна.

Женщина показалась Кабановой очень приветливой. «Я стану ее слушаться», – решила она.

– Жить вы будете на втором этаже. Я покажу вам комнату, – сообщила блондинка. Татьяна согласно кивнула. Только подумала: «Какие они, мои соседки? Вот бы подружиться!»

Ее жизнь, такая серая и скучная, вдруг заиграла яркими красками. Наконец-то у нее появятся подруги! Зарплата! И, быть может, она дождет похвалы хозяев! О! Она будет очень стараться!

Дом был огромен, хотя внешний вид его немного странен. Снаружи он скорее напоминает больницу, чем особняк олигарха. Или... тюрьму. Но из прессы и из бесчисленных телевизионных передач Татьяна знала, что богачи – люди со странностями. Она просто обожала эти скандальные программы, где репортеры смаковали безумные траты олигархов и их сексуальные похождения. Пресытившиеся нувориши извращались как могли. Один, начитавшись в детстве рыцарских романов, строил замок, а у другого ностальгию вызвала тюрьма, вот он и задумал дом-барак. Тем более внутри особняк оказался вполне комфортным для проживания. Магдалена Карловна отвела Татьяну на второй этаж.

– Вот ваша комната, – сказала управляющая, открыв одну из дверей. – Вас все устраивает?

– И что, я буду жить здесь одна?! – оторопела Кабанова.

– Я понимаю, что тесно...

– Тесно?!

Ее глаза горели от восторга. Шкаф! ЕЕ личный шкаф! Где будут лежать только ЕЕ вещи! ЕЕ кровать! Стол, стул... Какая роскошь!

– Располагайтесь, отдыхайте. На ужин вы опоздали, поэтому сегодня вам его принесут сюда.

– Сюда?! Господи, я и сама могу! Приготовить там, посуду помыть!

– Ничего не надо. Сегодня вы еще не приступили к своим обязанностям. Просто отдыхайте. Да, если вы захотите в туалет, там, снаружи, мужчина, он вас проводит. Извините, для прислуги у нас отдельная ванная комната, поэтому...

– Да я все понимаю! Я сама могу! Я и сегодня могу! Я в машине отдохнула!

– Ничего не надо, – бесстрастно повторила Магдалена Карловна.

И вышла. Татьяна Кабанова кинулась разбирать вещи. В шкафу нашла пижаму, похожую на больничную, Татьяна тут же ее примерила. Она обожала новые вещи, но крайне редко себя баловала. Поэтому в пижаму облачилась с восторгом, хотя и прихватила из дома байковый халат. Но он был старый, местами вытертый, а здесь все новое, такое... Ах!

Ее сердце в который раз за день зашло от восторга. Раздался стук в дверь. Вошел мужчина с подносом. Он почему-то был в камуфляже, как военный, но Кабанова так отвлеклась на свой новый дом, что не придала этому значения.

– Это что, мне?!

– Вам, – кивнул мужчина. – В ванную вас проводить?

– В смысле в туалет? А можно я сначала покушаю?

– Можно, – кивнул он с безразличным видом и вышел.

Она с восторгом стала изучать содержимое подноса. Ужин как в ресторане! Сроду такого не едала! Мясо во рту тает! Растительное масло в овощном салате какое-то странное, зеленое, с горчинкой, но вкусное. Хлеб просто изумительный. Татьяна отломил кусок и понюхала. Она жадно запоминала новые запахи и вкусы. Коробочка с джемом, коробочка с медом, обе махонькие, со спичечный коробок, и картинка какая красивая... А чай?! Господи, какой вкусный! Надо спросить: где ж такое берут? Петя неплохо зарабатывает, но деньги она все равно не умеет тратить. Какой чай ни купит – на вкус веник. Хотя покупает лишь то, что по телевизору рекламируют.

Было темно, и на решетку на окне Татьяна не обратила внимания. Она просто к нему не подходила. И только поужинав и посетив санузел, сообразила: чего-то не хватает.

Ах, да! В комнате нет телевизора!

«Я ж сюда не отдыхать приехала, а работать, – успокоила себя Татьяна. В комнате прилуги телик не положен. Все правильно. На кухне небось есть. Там и буду смотреть любимые сериалы».

Уже было так поздно, что и передачи все интересные закончились. И тут Татьяна вспомнила последнее наставление снохи: приедешь на место – позвони.

«Они же волнуются!» – вздрогнула Татьяна и схватилась за мобильный телефон. Только после десятого гудка в трубке раздался заспанный голос снохи:

– Мама, ты с ума сошла? Мы все уже спим!

– Машенька, ты же сама просила позвонить, – залебезила она. – Я хотела сказать, что все здорово, просто замечательно, это не дом, а настоящий дворец! У меня отдельная комната, ужин, как в ресторане, даже пижаму новую дали! Вот!

– Я рада, – зевнула сноха.

– А еще...

– Потом расскажешь. Пока.

В трубке наступила тишина, и Татьяна посмотрела на нее с обидой. Сами же просили! А теперь не хотят ее выслушать! Кому бы еще позвонить? Не терпелось поделиться своим счастьем. Иришке, что ли, звякнуть?

«Уже поздно», – с сожалением подумала она. Татьяну распирала чувства, но все, кого она знала, уже спали. Кабанова еще долго ворочалась с боку на бок. Уснула она в предвкушении еще большего счастья. Огромный, пока еще неизведанный богатый дом будоражил ее воображение. Привыкшая жить среди людей, в толчее, в хлопотах, она предвкушала общение, новые

впечатления, сплетни, интриги. И как ее оценят по заслугам. Не могут не оценить. Ведь она такая старательная, такая аккуратная...

Уснула Татьяна совершенно счастливой.

Палата № 3: размещение

Влад скептически выслушал наставления навигатора:

– Через триста метров поверните направо.

Зайке, что ли, позвонить? Не ожидал, что псевдодурдом находится в такой глухомани.

Так положено, что ли? Антураж соблюдают?

– Ты заблудился, дорогой?

– А ты как думаешь? – сердито рявкнул он. – Ты где?

– Уже на месте! Подъедешь к дому – увидишь мою машину.

– Надо еще его найти, этот чертов дом, – проворчал он.

Вокруг стеной стоял глухой лес, а природу Владислав Самсонов откровенно не любил. Он был типичным городским жителем и от леса ждал, что под каждым деревом накрыт стол рядом с мангалом, в котором уже тлеют угли для шашлыка, а угодливые егеря указывают, где ждет заяц или сидит белка, протягивая лапки, чтобы взять орех. Везде стоят указатели: подосиновики – направо, опята – налево. Но все это откровенно скучно, и белки, и опята. Разве что шашлыки... Но зачем обязательно в лес? В Москве немало мест, где тебе легко организуют экзотику, и шашлыки, и белок. Везде одно и то же. Лес на дому, или лес на выезде, какая разница?

То, что Самсонов увидел, сильно его удивило. Не то что людей, указателей даже не было! Ни единой таблички! Ни следа цивилизации! Заиндевелое безмолвие, с которым он не знал как обращаться. Все было еще хуже, чем он себе представлял. Природа к нему относилась настороженно и вовсе не спешила раскрывать свои объятия. Вокруг стояли огромные зеленые враги, с веток сердито сыпался иней, из-под снега, словно головешки на пожарище, торчали пни.

Чтобы успокоиться, Влад обратился к привычному. Пальцы заскользили по клавиатуре. Айфон 4s, новейшая модель, полноценный компьютер со всеми положенными функциями, короче, весь мир в кармане. Денег за него он отвалил – мама дорогая! Но оно того стоило! Мобильный Инет работал исправно и в этой глуши, в почте, как всегда, куча писем. Мигом нашлась и карта, Влад увидел место, где он находится, и конечную точку маршрута, после чего совершенно успокоился. Он был в системе координат. Его вели, за ним присматривали. Если верить компьютеру, через пятьсот метров его ждет заяк. А не верить нельзя, потому что все заложено в программу. Каждый человек заложен в программу, и этот лес тоже. Белки, егеря, – все тут. Дорога, по которой он едет. Результат предсказуем: через пятьсот метров заяк.

Дорога и в самом деле уперлась в ворота. Влад положил айфон рядом. Неуверенность прошла. Пока с ним эта штука, он неуязвим.

Дом снаружи напоминал больницу. На окнах – решетки.

«Любой ваш каприз за ваши деньги!» – весело подумал Влад, в очередной раз подивившись предприимчивости некоторых. Ишь ты! Нашли на чем сделать деньги! Повесив на шею цифровой фотоаппарат и засунув в карман зимней куртки айфон, Влад вылез из машины.

У крыльца стояла машина зайки. Влад бросил ключи мужику в камуфляже и легко взбежал по ступенькам. Морозный воздух бодрил, дышалось до странности легко. «Напрасно я пренебрегаю природой, – весело подумал Влад. – Если этот лесок окультурить да добавить запах дымка от мангала, я, пожалуй, сюда бы вернулся».

В холле его встретила бескровная блондинка, дамочка в соку, но, похоже, фригидная.

– Я провожу вас, Владислав Юрьевич, в вашу комнату, – бесстрастно сказала она.

Все с той же улыбкой на лице Влад взбежал по лестнице на второй этаж. На последних ступенях дыхание его сбилось, ноги стали ватными. Переоценил свои силы, называется. А вот дамочка даже не запыхалась, чеканила шаги, как солдат на плацу.

– Прошу, – распахнула она одну из дверей.

Комната его разочаровала. Во-первых, она оказалась до обидного маленькой, а во-вторых, здесь не было зайки. И кровать узкая, односпальная. Значит, секс либо вообще не предусмотрен, либо в специально отведенных для этого местах. Половым гигантом Влад не был, больше выпендривался, так что расстроился не сильно из-за секса. А вот отсутствие санузла его напрягло.

– А где...?

– Ваша девушка?

– Удобства! – сердито сказал он.

– Вас проводят, – еле улыбнулась дамочка. Скорее обозначила улыбку, растянула губы, но глаза при этом остались ледяными.

«Интересный у них хоспис, – слегка разозлился он. – И это называется гостеприимство! Надо узнать у зайки, сколько она денег отвалила».

– Девушка, я же не спрашиваю, сколько это стоит. У вас есть более комфортные номера? Я доплачу.

– Условия для всех одинаковы. И, пожалуйста, отдайте аппаратуру.

– Пожалуйста, – он снял с шеи фотоаппарат и протянул его блондинке.

– Телефон, пожалуйста, – все так же бесстрастно попросила она.

– Не понял?

– У вас в кармане телефон. Отдайте его.

– Девушка, это не телефон, – снисходительно объяснил Влад. – Я вижу, вы слабо разбираетесь в технике.

– Мне все равно, как это называется. Просто отдайте.

– А если нет?

– Тогда к вам применят силу.

– Ролевые игры? – оживился Влад. – Зайка мне ничего об этом не говорила. Кстати, где она?

– Вы с ней увидите. Отдайте мобильный.

– Ну, давайте попробуем, – хмыкнул он и полез в карман. Достал айфон и поднял его высоко над головой: – О-па!

Дамочка с неожиданной ловкостью и силой заломила ему руку, Влад и охнуть не успел, как айфон оказался у нее.

– Ничего себе, – сказал он, потирая руку.

– Располагайтесь, отдыхайте. Ужин в семь. Сегодня вам его принесут сюда.

– И что я буду делать до семи? – сердито спросил он.

– Что угодно.

Дверь за блондинкой закрылась, Влад услышал, как в замке повернулся ключ. Он подошел и толкнулся в дверь. С удивлением подумал: «И в самом деле заперто». Подошел к забранному решеткой окну. Внизу ходил охранник с автоматом.

Хмыкнув, Влад снял куртку. Без фотоаппарата и телефона он чувствовал себя голым. «Я сейчас позвоню этой сучке и скажу все, что думаю о ее дурацкой затее», – всерьез разозлился он на зайку, но тут же вспомнил, что кару придется отложить. Связи нет. В комнате не было даже телевизора. Он понятия не имел, сколько сейчас времени. Но до семи еще явно далеко. Это он знал, потому что, перед тем как положить айфон в карман, глянул на дисплей.

«Ладно, отдохну». Он надел пижаму и лег. В это время суток Влад никогда не спал, это разгар его рабочего дня. Полежав минут пять, он вскочил. Подошел к двери и забарабанил в нее изо всех сил.

Стучать пришлось долго. Когда дверь открылась, на пороге стояла уже не отмороженная блондинка, а дюжий мужик в камуфляже.

– Что, в уборную? – деловито спросил он. – Сейчас отведу.

– Какого черта! – заорал Влад. – Я разрываю контракт! Мне здесь не нравится! Скажите об этом моей девушке! Я уезжаю!

– В уборную, значит, не хотите?

– Нет! Я хочу уехать!

Дверь захлопнулась перед его носом. В замке повернулся ключ. Влад оторопел. «Это еще что за шутки? Ладно, подождем». Он опять лег. Время тянулось бесконечно медленно. Вытерпев полчаса, он опять забарабанил в дверь.

– В уборную! – рявкнул Влад, когда она открылась.

Мужик безропотно повел его по коридору. На этаже, похоже, не было ни единой живой души. Тихо, как в могиле. У двери в сортир Влад резко обернулся:

– Где начальство?

– Какое?

– Твое начальство! Кто главный в этом дурдоме?

– Завтра узнаешь.

– Я не собираюсь оставаться здесь до завтра! – заорал Влад. – Я расторгаю договор!

– Это невозможно, – раздался тихий бесстрастный голос. Он обернулся: сзади стояла блондинка. Откуда она взялась?

– Я хочу уехать!

– Ваши желания никакого значения не имеют.

– Что-о?!

– Вы останетесь здесь.

– А если я не хочу?

– Придется.

Она кивнула охраннику, и тот достал что-то из кармана. Кажется, электрошокер.

– Вы что, собираетесь тыкать в меня этой штукой?! – заорал Влад.

– Если вы не вернетесь в палату.

– Отведите меня к хозяину! Я хочу с ним поговорить!

– Завтра. Первая консультация у вас после завтрака.

– Дурдом просто!

– Именно. Дурдом.

– Зайка, я тебя убью!

– Вернитесь в палату, пожалуйста.

Он нехотя подчинился. А через полчаса и впрямь захотел в туалет. На этот раз стучаться пришлось минут десять. Он чуть не обделался.

– Развлечение себе нашел? – усмехнулся охранник. – Ладно, пока указаний на сей счет нет. Сегодня в туалет можешь ходить без ограничений.

– А потом что, график установите? – огрызнулся Влад.

– Если на то будут указания – установим обязательно.

– Да что ж это такое! Где я?!

Вернувшись в палату, он немного успокоился. Игра, похоже, идет по всем правилам. Зато будет что рассказать френдам. Больше всего Влада напрягало отсутствие компа. Время тянулось так медленно, что он начал зубами скрипеть. Дошел до того, что готов был смотреть телевизор. Но телевизора тоже не оказалось. Он еле-еле дотянул до ужина. Когда охранник принес поднос, машинально подумал: «семь».

За окном было темно. Он ел, проклиная зайку и свою глупость. Зарок ведь давал: никакого экстрима! Ладно, завтра он поговорит с хозяином этого мрачного заведения и объяснит ему, какая будет реклама в Инете всему этому безобразию. Они, видимо, не поняли, с кем имеют дело.

До утра дотерпеть, и...

Но как же это оказалось тяжело! Он просто с ума сходил от скуки. На почту наверняка сыпались письма, куча людей ждала его слова, очередного едкого комментария, новости, которая станет хитом. Работодатели ждали очередной статьи. А он застрял здесь! Но кто ж знал, что они отберут айфон?

«А надо лично подписывать контракт, перед тем как во что-то ввязываться! – со злостью подумал Влад. – На них ведь даже в суд подать нельзя! Я дурак, сам добровольно на это согласился! Экстрима захотел!»

Он утешил себя тем, что стал придумывать план мести. Во-первых, зайке. Попомнишь меня, сучка! Во-вторых, хозяину этой тюрьмы. В-третьих, фригидной блондинке. Он их по стенке размажет. Такое напишет, что мало не покажется. Всего два дня. Два дня потерпеть, и...

Палата № 4: размещение

Ключ от своей квартиры она оставила снохе, наказав ей поливать цветы. Вечером, как и договаривались, приехала машина. Тамара Валентиновна молча взяла чемоданчик и последовала за водителем. У нее все было с собой: фонендоскоп, тонометр, упаковка одноразовых шприцев и кое-какие лекарства. Она предпочитала старые, проверенные средства, которые стоили копейки по сравнению с разрекламированными импортными препаратами, зато помогали не хуже, а то и лучше. Эти новые русские наверняка увлекаются дорожными новинками, но она им объяснит, что врачам просто надо зарабатывать деньги. Они тоже хотят отдохнуть на модных курортах, а фирмы, заинтересованные в продаже дорогих лекарств, поощряют их, устраивая семинары за границей, на теплых морях.

Тамара Валентиновна была честным человеком, от подработок такого рода всегда отказывалась, выписывала пациентам лишь те лекарства, в которых была стопроцентно уверена, и на щедрые посулы фармацевтических компаний не велась. Совесть у нее чиста.

Резиденция олигарха ей в целом понравилась. Красивые места. Дом снаружи немного странный, больницу напоминает. Но, может, его недавно купили и еще не перестроили? Интересно, большая у хозяина семья? Есть ли дети? Она немного волновалась. Все-таки не педиатр, давно уже не имела дела с детьми, особенно с маленькими. Внуков пока нет и, судя по долгам за ипотеку, в ближайшем будущем не предвидится. А как хочется! Ей пятьдесят восемь лет! У подруг давно уже внуки. Вот чтобы счастье приблизить, она и согласилась на эту работу. Прямо скажем, непростую.

– Условия проживания у нас скромные, – предупредила ее дама, представившаяся управляющей. Тамара Валентиновна машинально отметила, что у нее малокровие. Надо попить железосодержащие препараты, а лучше колоть внутримышечно. Но совет давать не спешила, сначала надо осмотреться.

Вслед за малокровной дамой она поднялась на второй этаж. Время было позднее, что подтвердила и управляющая:

– Ужин вы пропустили. Но вам его принесут в комнату.

– Спасибо, я не голодна.

– Таковы правила, – равнодушно сказала бледная дама. Тамара Валентиновна вновь подумала о том, что управляющей не мешало бы пролечиться. Налицо упадок сил.

– Прошу, – открыли перед ней одну из дверей.

Комната и впрямь была скромной, но в ней имелось все необходимое. Телевизора не оказалось, чему Тамара Валентиновна несказанно обрадовалась. Она давно уже пыталась его не смотреть, потому что качество фильмов и сериалов упало настолько, что стало казаться, будто их снимают исключительно для олигофренов. Но человек раб привычки, и рука упрямо тянулась к пульту, когда Тамара Валентиновна приходила вечером с работы. За неимением лучшего приходилось смотреть ужасное. И она чувствовала, что поневоле глупеет, что это уже кажется нормальным: говорящие головы на экране, сюжет, над которым не напрягались сценаристы и теперь так же не напрягался зритель, долгие рекламные паузы, где те же люди, что и в сериалах, уговаривали купить то-то и то-то. А сил бороться с привычкой не было. Не тот возраст. И потом: одиночество. Самая большая зрительская аудитория как раз такие, как она, женщины в возрасте хорошо за тридцать, одинокие по разным причинам, дети ли выросли, семейная жизнь не сложилась, еще и карьера не удалась. Их, наверное, квалифицируют как неудачниц и постоянно напоминают о том, что в сорок лет жизнь только начинается, и рассказывают, как именно она начинается. Но эти сказки уже раздражают.

– Располагайтесь, отдыхайте.

Что ж. Вполне сносно.

Перед тем как лечь спать, Тамара Валентиновна внимательно изучила все, что находилось в комнате. Решетка на окне ее, признаться, удивила. Она опять подумала о том, что особняк еще не успели перестроить. Но следов ремонта нигде не видно. Хотя... Зима же. Строительные леса появятся с наступлением тепла, даст бог, она это увидит. Ей уже хотелось здесь остаться. Места уж больно красивые.

Напомнил о себе возраст. Пятьдесят восемь. Давно хочется иметь дачу, но сын взял ипотеку и купил квартиру. Они не думают о родителях. Вот в чем все дело. Только о себе.

Тамара Валентиновна с трудом преодолела глухую тоску. Забыть о даче. По крайней мере, на время. У нее есть семья, есть сын, обожаемый Игорек. Все хорошо. Завтра утром ей предстоит встреча с хозяевами, поэтому она немного волновалась. Но уснула быстро, тишина была умиротворяющей. В Москве у нее очень беспокойные соседи, Тамара Валентиновна даже ходила по этому поводу к участковому.

Теперь все это осталось позади. И участковый, и соседи. И Игорек с Юлей. Она крепко спала.

Палата № 5: заселение

Что-то подобное она и ожидала увидеть. Здание бывшей психиатрической больницы, причем закрытого типа. Потому что контингент здесь раньше находился особый, в основном убийцы или покушавшиеся на убийство, а еще насильники, извращенцы. За пациентами велось круглосуточное наблюдение, и традиция, похоже, сохранилась, Софья Львовна заметила видеокамеры при въезде на территорию: на воротах, на заборе, по всему его периметру, и в доме, когда вошла в холл. Ее это не удивило. Профессор Ройзен собирается поставить сложный психологический эксперимент. Все должно быть под постоянным контролем.

– Проходите, вас ждут, – сказала ей ассистентка профессора, представившаяся Магдаленой Карловной.

Софья Львовна узнала ее голос. Именно эта дама звонила ей по телефону, приглашая на собеседование. «Разве не я буду здесь главной? – с удивлением подумала Софья Львовна. Она имела в виду младший медперсонал. – Этот момент надо бы прояснить».

Марк Захарович встретил ее в рабочем кабинете на первом этаже. Софья Львовна слегка волновалась. Профессор был одет по-домашнему, всячески намекая на то, что встреча неофициальная. Время и в самом деле позднее. На столе горела лампа под зеленым абажуром, верхний свет был выключен. Ройзен смотрел на нее, улыбаясь:

– Проходите, садитесь.

Она села напротив, на этот раз не на самый краешек, поглубже, тем более что кресло оказалось очень удобным. Взгляд уперся в высокий лоб профессора с глубокой вертикальной складкой. Нет, он уже не молод и, похоже, много страдал. Софья Львовна выяснила, что они с Ройзеном почти ровесники. Ему сорок семь, как написано в его краткой биографии. Подробной нигде нет, лишь общие сведения.

Хотя на вид она все же дала бы ему меньше. Лет сорок пять. Или даже сорок... один. Господи, почему она об этом думает? О его возрасте? И почему так волнуется?

Он долго смотрел на нее, похоже, любовался. Софья Львовна немного смутилась, хотя рассчитывала на эту встречу в позднее время и оделась гораздо свободнее, чем в прошлый раз. И макияж наложила почти вечерний. Рот у нее был большой, в молодости она по этому поводу сильно переживала, а потом крупные губы вошли в моду, женщины даже стали закачивать в них гель, чтобы их увеличить. И отношение Софьи Львовны к своей внешности переменилось. Теперь она своим ртом гордилась и намеренно использовала яркую помаду, а поверх нее клала блеск. Так, чтобы губы казались еще больше.

– Когда мне приступать к работе? – слегка порозовев, спросила она. Взгляд Ройзена был такой настойчивый, словно он уже приглашал ее в постель.

– Завтра.

– А... пациенты?

– Уже прибыли, – отрывисто сказал он.

– Сколько их?

– Четверо. Две женщины, двое мужчин.

– Для чистоты эксперимента, – невольно усмехнулась она.

– Именно.

– Все они убийцы?

– Все, – серьезно ответил Ройзен. – Мужчины прибыли днем, были определенные проблемы. Их пришлось запереть в палатах.

– Запереть? – она слегка нахмурилась.

– Свободы перемещения по дому никто не ограничивает. Это не тюрьма. Просто они еще не привыкли к своему новому положению, и у обоих серьезные проблемы с психикой.

- Вот как?
- Один, его зовут Анатолием, должен крупную сумму денег. Он уверен, что его здесь будут пытаться, чтобы он продал квартиру в центре и вернул долг.
- Он агрессивен?
- Я думаю, да.
- Не проще ли его загрузить?
- Мы же договорились: только беседа. Я с ним завтра поговорю. Вы должны знать, что этот человек потенциально опасен. Он будет рваться на свободу, скорее всего, попробует вас подкупить, нападет на охранника. И будет вербовать в союзники второго мужчину. Его зовут Владиславом, он, естественно, предпочитает, чтобы его звали Владом, ему тридцать лет.
- Тоже опасен?
- Компьютерная зависимость. У него отобрали айфон, и он впал в глубокую депрессию. С его стороны, уважаемая Софья Львовна, нас с вами ждут огромные неприятности, – рассмеялся вдруг Ройзен. – Этот мальчик известный журналист, он будет рвать и метать, грозить нам расправой и так далее. Готовьтесь.
- Господи помилуй, кого же они убили?!
- Это они сами должны вспомнить. А вы им будете подсказывать.
- А... женщины?
- Они приехали вечером и сразу легли спать. Их никто на ключ не запирает, мобильные телефоны у них не отбирали.
- Они понимают, зачем здесь?
- Одна думает, что ее наняли работать прислугой, другая приехала, чтобы стать семейным врачом. Вы должны им подыграть. Завтра вы будете моей женой.
- Вы серьезно?
- Предлагаете запереть их под замок?
- А... почему ваша жена не...?
- Не подписалась на это? А вы как думаете, Софья Львовна? Разве я могу привести ее в дом, полный убийц, пусть и невольных, но все же? Двое из них и в самом деле близки к помешательству. Возможны вспышки неконтролируемой агрессии. Мне нужна помощь профессионала, такого, как вы. Ведь вы справитесь с ролью моей жены?
- Попробую, – кивнула она.
- Во время «собеседования» внимательно наблюдайте. Потом поделитесь своими впечатлениями. И еще... Мои апартаменты находятся на первом этаже. Палаты больных на втором. Вы будете жить рядом со мной на первом. И никогда не поднимайтесь на третий.
- А что там?
- Служебные помещения.
- Там живет и Магдалена Карловна?
- Нет, Лена живет на втором, с больными.
- А... кто она?
- Моя собака, – серьезно сказал Ройзен.
- Простите...?
- С вами никогда такого не случалось? Вы некогда оказали человеку неоценимую услугу. Настолько неоценимую, что он решил, будто по гроб жизни ваш должник. И хотя вы возражаете, он все равно считает, что отныне должен стать вашим рабом, вашей собакой. Цепным псом, когда вам угрожает опасность, или болонкой, когда вам просто скучно.
- Но разве может человек...?
- Человек, Софья Львовна, может все, в зависимости от того, какие тараканы у него в голове. Я всегда говорю: человек – это болт с гайкой, где гайка его голова. И как только ты начинаешь срывать гайку, человек превращается в болт с сорванной резьбой. А то и вовсе про-

сто в болт без всякой гайки, то есть без головы вообще. Это просто. Надо лишь обладать определенными навыками и, разумеется, опытом. Мой опыт в этом деле, Софья Львовна, огромен.

– Я понимаю, вы профессор, доктор медицинских наук, но ваша теория... Она, как бы это сказать? Бесчеловечна. Уподобить человека собаке, а потом болту...

– Но вы-то болт с гайкой, – рассмеялся Ройзен. – То есть с головой. Вам-то чего бояться?

– Я не боюсь, – тряхнула она этой самой головой. Густые темные волосы были так хороши, что Ройзен откровенно ею залюбовался.

– Вот и отлично! – сказал он. – Мне с вами просто повезло, Софья Львовна! – Марк Захарович вдруг с неожиданным проворством подскочил к ней и принялся с жаром целовать кончики пальцев. Она растерялась. – Или все-таки резьба сорвана? – он вдруг внезапно отпустил ее руку и впился взглядом в лицо.

– Я, пожалуй, пойду спать, – смутилась она.

– Конечно, конечно! И помните насчет третьего этажа. Поскольку вы здесь на работе, то должны соблюдать определенные правила.

«Боже, какой странный человек, – думала она, идя в свою комнату. – И... какой прекрасный! Он, похоже, гений. Он просто завораживает! Интересно, а как мужчина он тоже непредсказуем и напорист?»

То, что Ройзен будет спать в соседней комнате, за стеной, будоражило ее воображение. Она уже решила, что от прямого предложения перебраться к нему в апартаменты не откажется. И на намеки об этом будет реагировать соответствующе: поощрять.

«Резьба сорвана, – подумала она, ложась в постель. – Я, кажется, влюбилась».

Консультация № 1

Проснулся Анатолий Брагин в самом скверном расположении духа. Долго лежал в постели, глядя в белоснежный потолок, потом встал и подошел к окну. Шел снег, небо было мрачным и хмурым, еле-еле теплился рассвет.

В дверь постучали.

– Встали, наконец? – неприятливо спросила появившаяся на пороге Магдалена Карловна. И сказала, словно констатируя факт: – Вас не добудисься. Завтракать будете?

– Буду! – с вызовом выпалил Брагин.

Завтрак был сытный, хотя и простой. Он съел омлет, выпил пару чашек кофе, запивая им бутерброд с маслом, а яблоко засунул под подушку, про запас. Подумал: «Пригодится». Брагин замыслил побег и решил потихоньку собирать харчи в дорогу. «Они, должно быть, обыскивают комнату каждый день», – сообразил вдруг он. Но яблоко все равно припрятал.

Охранник забрал пустой поднос, и вновь появилась Магдалена Карловна.

– Пойдемте, – предложила она.

Пропустив его вперед, встала за спиной. Брагин уже успел ее оценить: спортсменка. Карате или дзюдо, а может, и то и другое. Физически устранить ее получится, если только напасть внезапно. Но она начеку: держится на расстоянии, и его все время держит под прицелом своих бесцветных ледяных глаз. Попытаться ее склеить?

– Какие у вас необыкновенные глаза, – сказал он, обернувшись. – И волосы...

– Волосы как волосы, – ответила она бесстрастно. – Прямо по коридору и вниз по лестнице, на первый этаж.

На лестнице он вновь обернулся, взгляд уперся в ее ноги.

– И ножки у вас красивые, – ухмыльнулся Брагин.

– Слушай, заткнись, а? – впервые проявила она эмоции. И пихнула его этой самой ножкой под зад, не сильно, но чувствительно.

– Стерва, – сквозь зубы процедил он и потопал вперед. Мысль о тюремном романе с Магдаленой Карловной придется оставить.

Его завели в кабинет, за столом сидел мужчина в очках. Он был похож на врача, потом Брагин сообразил, что на нем просто белый халат. А на кого еще он должен быть похож в такой одежде?

Поодаль, на стульчике, сидела темноволосая женщина на вид лет сорока. Она была красивой, ухоженной и, без сомнения, гораздо более чувствительной к мужским чарам, чем вставшая в дверях Магдалена Карловна. Брагин решил сделать ставку на эту брюнетку. На коленях у красавицы лежал блокнот, пальцы сжимали авторучку. Брагин отметил идеальный, хотя и неброский маникюр, овальную форму ногтей. Ножки у брюнетки действительно красивые. Не то что у этой... овчарки.

– Лена, ты можешь идти, мы сами справимся, – сказал сидящий за столом мужчина. Магдалена Карловна кивнула и ушла.

– Садитесь, – предложили Брагину.

– Вы и есть Быль? – спросил он, оседлав стул. Брагин намеренно вел себя развязно, показывая, что он никого и ничего не боится.

Брюнетка замерла и подняла голову.

– Что вы имеете в виду? – спросил мужчина.

– Это вам я теперь должен?

Они с брюнеткой переглянулись, та что-то записала в блокноте.

– Анатолий Борисович, вы способны адекватно оценивать реальность?

– Ты это о чем, мужик? – напрягся Брагин.

– Давайте-ка для начала познакомимся, – улыбнулся тот. – Меня зовут Марк Захарович. Марк Захарович Ройзен.

– Э, нет! – Брагин встал. – Мы так не договаривались! Зови сюда хозяина, слышишь?! Я буду говорить только с ним!

– Присядьте, пожалуйста. Выслушайте меня до конца.

Брагин нехотя сел. Что еще за бред? Какой такой Ройзен? Главный палач Кузьмича, что ли? Пыточных дел мастер? А лицо интеллигентное, как у какого-нибудь профессора!

– Дело в том, что вы, Анатолий Борисович, серьезно больны, – мягко сказал Ройзен. Брюнетка кивнула.

– Интересно, чем? – хмыкнул Брагин. – Поноса с утра не было, голова тоже не болит. Я вроде вчера не пил.

– У вас небольшое психическое расстройство.

– Шутишь? – расхохотался Брагин.

– Навязчивая идея. Вас, дорогой мой, доконали долги. И вы решили, что вас будут пытаться, чтобы вышибить деньги.

– А разве нет?

Брюнетка вздохнула и что-то вновь записала в блокноте.

– Можно вопрос? – Ройзен по-птичьи нагнул голову к плечу.

– Валяй!

– Зачем вы яблоко под подушку спрятали?

– Следили, значит, суки! Повсюду у вас камеры понатыканы! Что, и в сортире за мной шпионите?! Какого цвета у меня говно?!

– Спокойнее.

– Суки! – заорал Брагин и вскочил.

Брюнетка побледнела и тоже встала.

– Софья Львовна, сядьте, – тихо сказал Ройзен. – И вы, Брагин, тоже. Мы не договорили.

– Значит, вот они какие, ваши методы! – скрипнул зубами Брагин и пнул ногой стул.

Доктор Ройзен следил за ним с интересом. – Суки! – повторил Брагин, но все-таки сел. План побега еще не созрел, и ему нужен союзник. Лучше союзница. Из-за брюнетки он и остался. Как ее? Соня? Соня, Сонечка.

Она тоже села.

– Продолжим, – сказал Ройзен. – Итак, у вас случилось небольшое психическое расстройство. Родные забеспокоились.

– Так вот кто решил оттяпать мою квартирку! – сообразил вдруг Брагин. – Дочка! Конечно! И ее мамаша, эта законченная идиотка, с которой я, на мое счастье, давно развелся! Ну, суки! Сообразили!

– Родные беспокоятся о вашем здоровье, – с нажимом произнес Ройзен. – И как я вижу, не напрасно.

– Не дождетесь! – взвыл Брагин и вновь вскочил.

– Ну что вас, вязать? – поморщился Ройзен. – А я ведь хотел предложить вам свободу перемещения в обмен на послушание. Сколько можно в туалет под конвоем ходить?

– Значит, вы меня не будете запирают в комнате? – обрадовался Брагин.

– Это не тюрьма. Но вы должны вести себя адекватно. Вы же считаете себя нормальным?

– Еще бы!

– Тогда сядьте.

Брагин в который уже раз сел.

– Вы пробудете здесь месяц.

– Месяц?! – ноги, как пружины, сами выстрелили вверх.

– Да что ж вы как ванька-встанька? Никакого сладу с вами нет, Анатолий Борисович. Придется позвать Магдалену Карловну. С первого раза у нас не получилось. Жаль.

– Да пошли вы!!!.. – заорал Брагин.

Тут же появились овчарка и охранник. Он схватил стул и кинулся на них. И не заметил, как его вырубил.

– Отнесите-ка его в процедурную, – велел Ройзен. – Но ничего с ним не делайте. Пусть полежит, придет в себя. Сложный экземпляр.

Брагина положили на носилки и унесли.

– Что скажете? – доктор Ройзен посмотрел на Софью Львовну.

– Типичный шизофреник.

– Это не шизофрения, – покачал головой Марк Захарович. – Вот он сейчас очнется в процедурной, и, как вы думаете, что будет?

– Решит, что его принесли в пыточную. Вышибать долг, – улыbnулась она.

– Правильно. Надо предупредить Магдалену Карловну.

Доктор Ройзен вышел.

...Брагин открыл глаза. Он лежал на кушетке, пахло какой-то медициной, то ли формалином, то ли фурацилином. Мерзкий, отвратительный запах. На столе на салфетке были разложены инструменты. Клещи, щипцы, огромные шприцы и еще какие-то блестящие штучки.

– Ну-с, начнем, – потирая руки, сказал Ройзен. – Что, сволочь, долг отдавать будешь? – и взялся за клещи.

– А-а-а-а!!! – нечеловеческим голосом заорал Брагин.

Софья Львовна вздрогнула. Похоже, пациент очнулся. Вернулся профессор Ройзен, лицо у него было хмурым.

– Все еще хуже, чем я думал.

– Вы сделали ему укол?

– Пришлось.

– Я слышала, как он кричал. Это что-то нечеловеческое.

– Будто вы в первый раз такое слышите, – усмехнулся Марк Захарович.

– Нет, но знаете ли... – она поежилась. – Отвыкла. Я вот уже десять лет не работаю по прямой своей специальности. Психотерапия – это другое. Там все пристойно.

– Понимаю. Пациентки в основном истеричные богатые дамочки и пресыщенные бездельники, или же их детки, которые от скуки едят без остановки и, значит, жиреют. Все лечение – выгнать в поле с тяпкой, с лопатой, чтобы напахались как следует. Тогда и дурь из головы выйдет. И вес сам собой нормализуется. А они хотят психотерапии-и-и-ию... – протянул доктор Ройзен.

Софья Львовна смотрела на него с удивлением. Что он такое говорит?!

– Пошутил, – улыbnулся Ройзен. – Ну-с, продолжим. Возьмем случай попроще. Только снимите, пожалуйста, халат. Не будем сразу ее пугать.

Консультация № 2

Татьяна встала засветло, как привыкла. Хотелось в туалет, но она терпела. В доме было тихо. Правильно, кто же встает в такую рань? Прошел час, ее не трогали. Она, наконец, решилась и робко выглянула в коридор.

– Эй! Кто-нибудь?

– Проснулись? – откуда ни возьмись появилась в коридоре Магдалена Карловна. – Вот и замечательно!

– Я хотела бы умыться, – робко сказала Татьяна. – И... работать пора.

– Что ж...

Ее отвели сначала в санузел, потом на кухню.

– А что, никого нет? – с удивлением протянула она.

– А вам кто нужен? – спросила Магдалена Карловна.

– Ну, это... Прислуга.

– В прислуги ведь нанимались вы.

– И что, я буду здесь одна?

– Я вам помогу.

– Вы же управляющая!

– Но готовить умею, не сомневайтесь. С завтраком справитесь?

– На сколько человек готовить? – деловито спросила Татьяна.

– На десять. Справитесь?

– Еще бы! – усмехнулась она.

В той, второй квартире, где жили сын с дочерью Иришкой, вместе с ней было девять человек. Пятеро детей, четверо взрослых. Плюс один едок, это не проблема. Завтрак сварганить? Запросто!

Она засуетилась. На ходу глотала кофе, мазала маслом хлеб, торопливо жевала, облизывала жирные сладкие пальцы. Пока готовила завтрак, и наелась. Пришла Магдалена Карловна, молча заставила поднос тарелками и чашками, взяла его и так же молча ушла.

«Похвалят, когда распробуют», – решила Татьяна. И огляделась: что дальше? Схватила тряпку и бросилась подтирать пол. Потом кинулась в холл с ведром, полным воды. Когда пришла Магдалена Карловна, Татьяна вся была в мыле. Дышала тяжело, щеки покраснелись. Зато кухня сияла. Ее опять не похвалили.

– Пойдемте, – без улыбки сказала Магдалена Карловна. Лицо у нее было каменное.

«С хозяевами знакомиться», – задрожала Татьяна. Ноги у нее подгибались, когда шла по коридору вслед за управляющей. Так и подмывало спросить: какие они, хозяева? Как им угодить? Чем понравиться?

В комнате сидели двое, солидный мужчина в очках и очень красивая женщина, он за столом, она поодаль, на стульчике. Татьяна заробела. Слышала, что у олигархов жены красавицы, но видеть не видела. Эта ничего так. Холеная.

– Здравствуйте, Татьяна, – ласково сказал хозяин. – Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Меня зовут Марк Захарович. А это Софья Львовна.

– Спасибо, – почему-то сказала она. И осталась стоять на ногах.

Хозяева переглянулись.

– Присаживайтесь, – повторил он.

Татьяна поспешно села.

– Ну, рассказывайте, как провели утро? Я слышал, вы рано встали?

«Сейчас, наконец, похвалят!» – обрадовалась Татьяна и затараторила:

– Ой, что я только не делала! Завтрак на десятерых приготовила, кофе сварила, посуду перемыла, полы подтерла, стены в коридоре вымыла!

– У нас были грязные стены? – хозяйева опять переглянулись.

– Нет, что вы! Чистые!

– Зачем же вы их мыли?

«Чтобы похвалили!» – хотелось крикнуть ей. Но вслух Татьяна сказала:

– Не хотелось сидеть без дела.

– Значит, вы не можете сидеть без дела? – уточнил Марк Захарович. – Просто сидеть? Смотреть телевизор, радио слушать?

– Как можно? – она сделала вид, что оскорбилась. Хозяйева хотят узнать, насколько она старательна. – Я телевизор вообще не смотрю! Работы много!

– Значит, вас не смущает его отсутствие?

– Да когда ж мне его смотреть? – всплеснула руками Татьяна. – Я ж все время занята!

– А вам не тяжело? – заботливо спросил Марк Захарович, переглянувшись с женой.

– Мне? Тяжело? – она расхохоталась. Хозяйка покачала головой. Татьяна испуганно зажала ладошкой рот. – Извините.

– Сейчас вы что будете делать? – строго спросил хозяин.

– Так обед же скоро!

– Значит, вы собираетесь прямо сейчас готовить обед?

– Так ведь на десять человек!

– Ага. На десять.

– Я справлюсь! – Она вскочила. – Прямо сразу и начну! Вы не беспокойтесь! И обед будет, и ужин! Все в срок!

– Хорошо, идите, – вздохнул хозяин.

Татьяна выскочила за дверь. Уф! И опять не похвалили! Так ведь первый рабочий день! Надо сегодня постараться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.